

РЕДАКТИРОВАНИЕ В ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Хрестоматия

Редактирование в подготовке переводчиков: Хрестоматия. Учебное пособие/
Составление Н.Г. Мальцевой

Пособие поможет студентам лингвистического профиля сформировать и развить навыки редактирования, входящие в перечень необходимых профессиональных умений квалифицированного переводчика.

В хрестоматию вошли главы и избранные фрагменты из монографий и учебников известных отечественных педагогов и практикующих переводчиков (Норы Галь, И.С. Алексеевой, Д.И. Ермоловича). Изданная в жанре учебного пособия, хрестоматия с равным успехом может использоваться как в учебном процессе – в рамках курсов теории перевода и литературного переводоведения, – так и для самостоятельного чтения, как источник расширения и углубления знаний в вопросах перевода.

Для преподавателей, аспирантов и студентов – филологов и переводчиков, а также для широкого круга читателей.

И.С. Алексеева

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТРЕНИНГ ПЕРЕВОДЧИКА

Родной язык

Итак, переводчик обязан находиться в состоянии вечного учебного возбуждения, всасывая и активизируя языковой материал. Теперь особо подчеркнем, что это в равной степени материал и иностранного, и - родного языка. Последнее часто не кажется очевидным. Любой человек подспудно уверен, что родным-то языком он прилично владеет и то, что ему надо, выразить сможет. Это не так. Переводчику необходимо с самых первых профессиональных шагов избавиться от этого заблуждения, придирчиво исследовать собственный реальный уровень владения родным языком и принять необходимые меры. Сначала - меры аварийные, а затем - и профессиональные.

Оставим в стороне вопрос об уровне культуры речи в современном обществе, который

якобы неуклонно падает. Позволю себе не согласиться с ностальгической устремленностью в прошлое, в XIX век, когда умели писать длинные письма и говорить кудрявые речи. Культура речи соответствует запросам общества и удовлетворяет их. Наверное, запросы изменились. Дело переводчика — разобраться в том, что представляет собой современная культура родного языка, что признано литературной нормой, какие возможны отклонения, какие существуют жанры письменной и устной речи — и работать над их активным овладением. Это для него жизненно важно! Автор данного пособия убежден в том, что обучение современного переводчика следует начинать с активного преподавания родного языка и продолжать интенсивный тренинг до самого окончания обучения. Именно поэтому автору импонирует система обучения переводчиков в Гейдельбергском институте переводчиков, где активизация навыков родного языка предшествует освоению собственно переводческих навыков и завершается строгими проверочными испытаниями. Однако мало шансов, что нашему читателю посчастливится учиться именно по такой системе, поэтому он обязан вести постоянный самотренинг. Начнем с аварийных мер. Постарайтесь приучить себя в любой ситуации контролировать свою речь. Не позволять себе обходиться жестами, заставлять себя завершать начатые формулировки, вербализовать, казалось бы, «невыразимые» чувства. Начав такой контроль, вы сразу обнаружите свои слабые стороны. Вскроется, например, ваше неумение владеть речью в сложной ситуации. Для переводчика это очень плохо. Ведь переводчик - это специалист по активному владению речью на двух языках в ситуации повышенной сложности. Потому что любая ситуация общения, где есть неравноправие партнеров, - это ситуация повышенной сложности. А если партнеры не в равной мере владеют основным средством общения - языком (то есть не знают иностранного языка), они неравноправны.

Итак, узнав свои огрехи и избавившись от косноязычия, начните себя беспощадно тренировать - уже здесь начинается профессиональный этап работы с родным языком. Ориентируйтесь на то, что все жанры речи вам необходимо уметь породить активно! Не уклоняйтесь от тех возможностей, которые вам предлагает жизнь! Произносите тосты на днях рождения и приветственные речи на заседаниях. Пишите письма - от личных до деловых. Попробуйте себя в роли писателя: напишите сказку, рассказ, мемуары, поэму. Вам пригодится и вся палитра публицистических жанров: репортаж, информационная заметка, эссе, фельетон. Неправда, что культура речи обогащается за счет чтения книг. Это слишком экстенсивный путь, который вдобавок ориентирует на пассивное восприятие информации. Мало много читать! Надо много говорить и много писать. Переводчику необходимо побывать в шкуре как можно большего числа персонажей жизни, речь которых ему доведется переводить; побывать на месте авторов тех текстов, перевод которых ему когда-нибудь закажут. Не ждите, когда вас начнут учить по программе «Русский язык для переводчиков». Такой программы пока нет.

Окунитесь в безбрежный океан современного русского языка и научитесь держаться в нем на плаву. Тогда вам легче будет нащупать современную литературную норму и стать ее носителем, не поддаваясь фетишизации уже давно устаревшего языка Пушкина и Тургенева,

пестрящего галлицизмами, который традиционно навязывает нам средняя школа. И пусть для переводчика в освоении жанров устной и письменной родной речи не будет исключений. Ведь вам с одинаковой вероятностью может пригодиться и язык милицейского протокола, и язык политического манифеста, язык рекламы и язык траурной речи. Вряд ли стоит также обязательно отыскивать и путь от простого к сложному при самотренинге. Язык и текстовая организация рекламы, без сомнения, очень сложны. Но зато даны вам в ежедневной многократной повторяемости, причем такой частотности, что вы, скорее всего, обнаружите вполне сносное активное владение этим жанром. Попробуйте вводить ежедневно в ваш обиход по одному новому тексту (например: сегодня - брачное объявление, завтра - спортивную информацию о футбольном матче, послезавтра - инструкцию к утюгу). Вы скоро заметите, как обогатится ваша речь и как вырастет уверенность в себе. Постарайтесь найти придирчивых контролеров: если родные и друзья станут вашими первыми слушателями, это их развлечет, да и разовьет заодно.

О проверке более объемных форм: речи в парламенте, большого интервью на специальную тему, повести - может быть, разумнее договориться с вашими коллегами-переводчиками или получить консультацию у специалиста по русскому языку. Всегда к вашим услугам и телевизионные программы. Возьмите за образец хорошо поставленную речь дикторов телепрограмм, поработайте над материалом активно: можете конспектировать, записывать частотные обороты речи, заведите тематическую картотеку. «Теневой повтор» за речью русского диктора станет вспомогательным упражнением при освоении техники синхронного перевода. Попробуйте создавать свои тексты телепрограмм разного характера по проработанным образцам. Вы можете сначала готовить их заранее в письменном виде, а затем и приучить себя произносить их спонтанно, без подготовки. Испытайте себя в роли спортивного комментатора, ди-джея, ведущего передачи о животных Николая Дроздова. Кстати, о Николае Дроздове. В этой книге вы найдете раздел об индивидуальном стиле оратора. Так вот, тренировку умения воспроизводить индивидуальный стиль переводчик начинает лишь к концу своего обучения переводу. Но она значительно облегчится, если вы сначала научитесь «стилизовать» на родном, русском языке. Попробуйте говорить, как Дроздов, как Урмас Отт, как Борис Ельцин. Многие видят в таком пародировании лишь забаву - вам такое умение профессионально необходимо.

Есть еще одна специфическая причина, по которой интенсивное освоение родного языка так необходимо переводчику. Существует феномен, который нам еще придется обсуждать. Устному переводчику часто оказывается легче переводить на иностранный язык, чем на родной. Почему? Казалось бы, это факт парадоксальный. Ведь объем знаний родного языка всегда фундаментальнее, они полнее и тоньше. Это так. Но все эти знания в большинстве своем - в подводной части айсберга, то есть в пассивном запасе. И активный запас знаний иностранного языка часто оказывается больше, чем активный запас знаний родного языка. Кроме того, знания в области родного языка, как уже отмечалось, тоньше и глубже, а значит - вариативнее, а широта выбора, особенно если часть вариантов находится в пассивном запасе, затрудняет сам выбор и замедляет перевод. Получается, что такие вот знания представляют для переводчика балласт

избыточности и затрудняют решение задачи перевода. Вывод: родной язык необходим переводчику в активной форме.

Д.И.Ермолович

СЛОВЕСНАЯ МЕХАНИКА

О практике редактирования в подготовке переводчиков

Переводческий профессионализм предполагает и навыки редакторской работы. Они необходимы переводчику хотя бы для того, чтобы править собственные переводы.

Нельзя сказать, что редактированию не уделяется внимания в учебных курсах перевода. При обсуждении любых вариантов перевода на практических занятиях студенты так или иначе сталкиваются с редактированием: фактически это то, что делает преподаватель при обсуждении и правке их переводов. В процессе обсуждения одни варианты признаются приемлемыми, другие отвергаются, и аргументация преподавателя отчасти приучает их к редакторскому мышлению.

Однако обучение навыкам редактирования не вычлняется в специфический вид работы по курсу письменного перевода¹, и такая задача не ставится в учебных программах. Тем не менее она существует, и её роль в том, чтобы привить будущим переводчикам умение сделать правильный выбор между стилистически и функционально неравноценными вариантами средств выражения, подчинить отдельные элементы плана выражения общей коммуникативной функции текста.

Умение редактировать не формируется автоматически при обучении переводу. Оно основано, конечно, на навыках перевода (а также на знании теории перевода, сопоставительной стилистики и русского языка), но, поскольку задача ставится специфическая, и решаться она должна в особых методологических рамках.

Рассмотрим, как нередко проходит обучение редактированию в ходе занятий по письменному переводу на переводческом факультете. Обычно урок строится таким образом: студентам на дом задаётся текст для перевода, и на урок они приходят с переведённым текстом. Преподаватель просит то одного, то другого студента зачитать свой перевод отрезков текста (в одно-три предложения). Он стремится вовлечь остальных студентов в обсуждение достоинств и недостатков зачитанных вариантов. Если мнения расходятся, преподаватель завершает дискуссию собственным «вердиктом», стараясь, естественно, объяснить причины, по которым он отдаёт предпочтение тому, а не иному варианту. Так, собственно, и учат редактированию, то есть выбору какого-то варианта из ряда возможных при чётком обосновании этого выбора, настойчивой работе над улучшением перевода.

Описанный метод работы на занятиях по письменному переводу испытан временем и

¹ Речь идёт о редактировании переводов на родной (русский) язык, а не на иностранный: в последнем случае студенты не владеют свободно средствами плана выражения, и задача редакторской правки занимает подчинённое место по отношению к задаче научить студентов давать пусть не виртуозно красивые, но хотя бы просто грамотные переводы.

приносит свои плоды. Тем не менее у него есть и слабые методологические стороны:

1. Не секрет, что переводы, которые выслушивает преподаватель на занятии, - весьма сырой материал. Студенты делают их, как правило, накануне и редко когда подвергают дополнительной правке. Следовательно, работа на уроке по «доводке», усовершенствованию перевода практически неотделима от исправления грубых смысловых ошибок, описок, результатов невнимательного прочтения текста и плохого владения элементарной переводческой техникой. Как следствие, студенты не видят разницы между обыкновенной ошибкой и переводом, который теоретически можно сконструировать по словарю и грамматике, но который не соответствует общей интонации текста, стилистически разнороден, не передаёт смысловых акцентов оригинала или смещает их и т.д.

2. Преподаватель лишён возможности проверить методом устного опроса все варианты всех студентов и обсудить их. Обсуждение основывается на выборочном опросе. Конечно, опыт преподавателя подсказывает ему, кого именно следует опросить при проверке того либо иного предложения. Он обычно чувствует, какой студент даст приемлемый вариант, а какой обязательно споткнётся на трудностях данного отрезка текста. Всё же студенты не всегда понимают, как относиться к тем переводам, которые не были зачитаны и обсуждены: то ли рассматривать их как приемлемые (а не исключено, что они содержат какую-то погрешность), то ли исправить их на тот вариант, который при обсуждении был признан лучшим (и в этом случае плохо то, что в их сознании укореняется ложное убеждение в существовании для любого текста какого-то единственно правильного, универсально-стандартного перевода).

3. Оценка переводов, выполненных студентами, тесно связана с личностным моментом. Сколько бы преподаватель ни приводил объективных доводов в пользу или против того или иного варианта, студенты воспринимают критику переводов ещё и как субъективную оценку их работы, а нередко и их подхода к переводу как таковому.

Поэтому, с одной стороны, студентам бывает трудно согласиться с преподавателем, отвергающим их перевод, а из-за этого несогласия- и понять достоинства какого-то другого варианта. С другой стороны, когда заходит речь о сравнении разных вариантов, студенты очень неохотно критикуют чужие переводы, так как это работа их товарищей, которых они, разумеется, не хотят обидеть. При этом грубый промах выявляется и признаётся легче, поскольку от вопиющей несурезицы никуда не денешься. А вот при обсуждении тонкостей, которые как раз и составляют предмет собственно стилистического редактирования, убедить начинающего переводчика, что его перевод искажает суть и дух оригинала, бывает очень трудно. Думаю, каждому преподавателю перевода приходилось иметь дело с заядлыми спорщиками, которые готовы были признать невнимательность при смысловой ошибке, но ни за что не принимали критику неверной трактовки текста.

Перечисление слабых мест в методике аудиторного опроса (обсуждения) домашних переводов ни в коей мере не ставит под сомнение практическую ценность этого метода. Оно показывает лишь, что собственно стилистическое редактирование переводов - это специфический

вид работы, особый навык, который только отчасти отрабатывается при комплексной правке переводов, выполненных студентами самостоятельно.

Вывод, который отсюда следует, состоит в том, чтобы уделять редактированию особое место в курсе практических занятий по переводу с иностранного языка на русский. Вряд ли имеет смысл выделять редактирование в отдельный аспект подготовки студентов-переводчиков, но включение его как вид работы в курс письменного перевода весьма желательно.

В какой форме можно это сделать? Одним из заданий, предлагавшихся мной на пятом курсе переводческого факультета, было обсуждение параллельных текстов - оригинала и перевода. Ниже приводится образчик такого материала. Это отрывок из пародийно-фантастического романа Д. Адамса [Adams 1981. С. 70] и его первый перевод на русский язык [Адамс 1981].

The improbability-proof control cabin of the Heart of Gold looked like a perfectly conventional spaceship except that it was perfectly clean because it was so new. Some of the control seats hadn't had the plastic wrapping taken off yet. The cabin was mostly white, oblong, and about the size of a small restaurant. In fact it wasn't perfectly oblong: the two long walls were raked round in a slight parallel curve, and all the angles and corners were contoured in excitingly chunky shapes.

Оснащённая невероятностно-защитным устройством кабина управления «Золотого сердца» своим видом походила на совершенно обычный космический корабль, за исключением того, что здесь было абсолютно чисто, поскольку он был абсолютно новенький. С некоторых сидений управления ещё не сняли пластиковые чехлы. Кабина управления была почти вся белая, прямоугольная, размером с небольшой ресторан. Собственно, она была не строго прямоугольная: две продольные её стены имели лёгкий изгиб параллельного профиля и все её углы и линии были обворожительно сглажены.

При обсуждении этого отрывка студенты первоначально воспринимали перевод как приемлемый и не нуждающийся в правке. Действительно, смысловых ошибок русский текст не содержит и нормам русского языка, казалось бы, не противоречит.

Однако при более внимательном анализе (стоило лишь привлечь внимание студентов к звучанию некоторых фраз) в нём обнаруживались:

- а) терминологические неточности («кабина управления» вместо «отсек управления», «пластиковые чехлы» вместо «полиэтиленовые чехлы»);
- б) неудачная сочетаемость («сидения управления»);
- в) семантически избыточные и стилистически неуклюжие обороты («своим видом походила», «изгиб параллельного профиля»).

При сравнении с оригиналом выявлялись также: неоправданность повтора слова **абсолютно** (несмотря на повтор *absolutely* в оригинале), неучёт межъязыковых различий в логических ограничениях (если по-английски можно сказать *The cabin looked like a spaceship*, то по-русски сравнение «кабина походила на корабль» нелогично, а надо сказать что-нибудь вроде «отсек управления был как в обычном космическом корабле»). Анализ выражений **невероятностно-защитное устройство** и **обворожительно сглажены** потребовал обращения к способам создания пародийно-комического эффекта, причём студенты, как правило, предлагали более осмысленные и точные варианты.

Кроме переводов, выполненных иностранцами (как в данном случае), для редактирования могут предлагаться отрывки из курсовых и дипломных работ, написанных студентами прошлых

лет (разумеется, без указания фамилий), старые контрольные переводы, а в некоторых случаях и опубликованные переводы (особенно если одно и то же произведение переводилось не один раз). Ясно, что предлагаться для анализа могут не только «отрицательные», но и «положительные» примеры, то есть удачные или считающиеся таковыми работы переводчиков.

Ещё одной формой учёбы может быть изучение выдающихся образцов редакторского анализа - например, таких, какой мы находим в одной из статей В.М. Топер [1968. С. 337-362], где методически, фраза за фразой, разбирается один из переводов Ч. Диккенса и где частные, казалось бы, переводческие решения неизменно соотносятся с характером целого произведения. Чрезвычайно глубокой представляется мысль видной переводчицы М.Ф. Лорие, которая в предисловии к этой публикации написала:

Возразить на эти замечания, по существу, невозможно, именно потому, что они не только умны и метки сами по себе, но неукоснительно подчинены общей концепции произведения, которая, безусловно, есть у рецензента и которая должна выработаться у всякого переводчика, прежде чем он напишет хотя бы первую строку своего перевода. [Топер 1968. С. 337]

Мы видим, таким образом, что обучение редактированию служит и умению хорошо переводить. Вот почему, по-моему, студенты должны не только быть в состоянии переводить сами, но и квалифицированно оценивать чужие переводы.

С методической точки зрения практика редактирования путём анализа параллельных текстов с последующим исправлением перевода имеет ряд выигрышных сторон, позволяющих в какой-то мере компенсировать перечисленные в начале статьи трудности комплексной правки домашних переводов.

Во-первых, такая форма работы позволяет как бы отделить «черновую» работу переводчика (связанную с нахождением слов в словарях, определением значения многозначных слов и конструкций и т.п.) от последующей работы над семантико-стилистическим единством перевода и его эквивалентностью оригиналу. Начинающий переводчик ещё не в состоянии справиться сразу и с тем, и с другим. Естественно, что преподаватели уделяют первоочередное внимание «технике», но на каком-то этапе нужно начать работать и над «артистизмом». Редактирование готовых переводов даёт в руки студенту по меньшей мере подстрочник (хотя и в нём могут быть ошибки - и даже должны быть, чтобы не усыплялось внимание к чисто смысловой и технической стороне перевода), который он должен «отшлифовать». Студентам такая работа доставляет немалое удовольствие.

Во-вторых, обсуждается не сразу много переводов (что возрождает призрак некоего абстрактного идеального перевода), а один, совершенно конкретный перевод, который требуется оценить и, если надо, исправить и улучшить. Тем самым, на мой взгляд, ставится более правильный акцент на отношении оригинала и перевода, студенты приучаются к конкретному анализу.

В-третьих, устраняется нежелательный личностный момент из оценки перевода. Студенты охотно обсуждают недостатки переводов, выполненных кем-то ещё, и с гораздо большей готовностью соглашаются с замечаниями преподавателя, чем если бы речь шла об их собственных

переводах. Есть все основания думать, что, научившись анализировать чужие переводы, начинающий переводчик сможет более объективно смотреть и на свои.

Наконец, практика редактирования вносит известное разнообразие в формы работы на уроке перевода, из которых доминирующими являются обсуждение домашних переводов и перевод с листа. Она уместна, видимо, к концу урока: требуя не меньшего внимания, чем эти два вида работы, редактирование снимает напряжённость, связанную с боязнью студента чего-то не понять или что-то перепутать, как это бывает при переводе с листа. Здесь, впрочем, важно не передозировать, и, возможно, редактированием следует заниматься не каждый урок. Однако полезность этого вида работы требует его регулярного включения в занятия по письменному переводу.

ТАК НЕ ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ

Достаточно этих достаточно

Вот когда, условно говоря, губернатор задавил человека на трассе, никаких митингов не было. А когда какие-то **достаточно** незначительные люди это делают, то митинги бывают. Ну, там **достаточно** небольшое количество статистики, чтобы вывести из этого какие-то закономерности... Поскольку таких митингов **достаточно** мало, то пока нельзя с достоверностью сказать, что они не задевают интересы по-настоящему власть имущих.

(Программа «Код доступа» на радио «Эхо Москвы»)

Приведённая цитата показательна высокой частотностью слова **достаточно**: оно использовано три раза на протяжении короткого отрезка речи, причём во всех случаях, на мой взгляд, крайне неудачно. Не хочу критиковать здесь конкретно автора передачи: злоупотребление наречием **достаточно** стало повальным поветрием, особенно в устной речи. В чём же, собственно, проблема?

В последние пару десятилетий наречие **достаточно** стали часто употреблять в значении 'весьма, довольно-таки'. Но при этом говорящие забывают, что это наречие сохраняет своё основное значение: 'в необходимом количестве', 'в удовлетворительной степени', 'столько, сколько нужно', 'в той степени, в какой нужно'. Поэтому в корректной речи оно сочетается лишь с положительными характеристиками.

При соединении этого слова с характеристиками, отрицательными по форме или по смыслу, получается противоречие: если сказать «достаточно мало» или «достаточно плохой», то это значит, что говорящий удовлетворён тем, что чего-то (кого-то) мало или кто-то плох (что-то плохо).

Вдумаемся в реплику: «Там **достаточно небольшое** количество статистики, чтобы вывести из этого какие-то закономерности». Получается, что имеющийся объём статистических данных небольшой, и этого говорящему достаточно. Но на самом деле он имеет в виду прямо противоположное, а именно то, что имеющейся статистики недостаточно для выводов! Поэтому здесь нужно сказать: «Там **недостаточно** статистики...» или «Там **слишком мало** статистики...».

Убедительно призываю тех, кто не хочет нарушать логику и нормы русского языка, не

употреблять наречие **достаточно** с прилагательными или наречиями, имеющими отрицательное значение. Более того, часто это слово вообще лишнее! Так, в приведённой цитате его можно спокойно убрать в первом и третьем случаях, и от этого текст только выиграет:

Когда какие-то незначительные люди это делают, то митинги бывают... Поскольку таких митингов мало, то пока нельзя с достоверностью сказать...

А если вы написали письмо, статью или речь, проверьте, не вкралось ли туда, куда не нужно, это самое **достаточно** и не стоит ли его удалить. Вы удивитесь, насколько такая операция способна улучшить текст.

Числительные больше не склоняются?

Правительство Израиля одобрило строительство **четырёхста пятьдесят пять единиц жилья**.

(Официальный представитель МИД РФ на пресс-конференции)

Неправильное склонение или всякое отсутствие склонения количественных числительных стало бичом не только чиновников, но и политиков, журналистов, даже дикторов. Подобные примеры можно слышать десятками каждый день в передачах телевидения и радио.

Как ни парадоксально, одновременно с этим многие «ораторы» из числа политиков и чиновников любят склонять те части порядковых числительных, которые склоняться не должны. Озвучивание плана осуществить что-либо до **двух тысяч пятнадцатого (восемнадцатого, двадцатого** и т.п.) **года** стало уже рядовым явлением.

И всё же склонение количественных числительных в русском языке никто пока не отменял. А для тех, кто выступает перед микрофоном, их безошибочное склонение должно стать элементарным правилом хорошего тона. Неужели так трудно сказать правильно: **строительство четырёхсот пятидесяти пяти домов?**

Непорядок слов

Многочисленные мечети Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая закрыты сегодня. В административный центр Урумчи были введены войска, которые вместе с полицией патрулируют его улицы... Более **150 уйгуров были убиты в этом районе Китая**.

(Из сообщения телеканала «Евроньюс»)

Более **6 тысяч граждан Латвии** подписались под призывом предоставить русскому языку в республике статус второго государственного **к началу апреля**.

(Из сообщения сайта «Голос России»)

Вагончик, в котором жил цыганский табор, сгорел **в Краснодаре**.

(Из сообщения РИА «Новости»)

Наметилась тревожная тенденция в построении новостных сообщений: игнорируется синтаксическая норма русского языка, согласно которой порядок слов русского предложения должен отражать актуальное членение высказывания. Проще говоря, отправная информация (тема) должна излагаться в начале, а новая информация (рема) - в конце фразы.

В цитированных же сообщениях всё наоборот: в начало предложения вылезла рема, а тема плетётся в хвосте. Порядок слов похож на английский, что обычно выдаёт некомпетентный перевод: таковым, скорее всего, и является первый из приведённых выше текстов. Корректный перевод выглядел бы так:

Сегодня закрыты многочисленные мечети Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая *(или:*

Многочисленные мечети Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая **сегодня закрыты**)... В этом районе Китая **были убиты более 150 уйгуров**.

Ещё хуже, что подобное построение предложений стало встречаться и в оригинальных русскоязычных СМИ, о чём говорят другие примеры. Во второй цитате дело осложняется тем, что непродуманный синтаксис предложения привёл к смысловой нелепице. Получается, будто подписавшиеся под призывом хотят, чтобы государственный статус был предоставлен русскому языку к началу апреля. Учитывая, что сама эта информация датирована 5 апреля, получается, что они требуют принятия такого акта задним числом.

Разумеется, всё встанет на свои места, если начать предложение с обстоятельства времени:

К началу апреля более 6 тысяч граждан Латвии подписались под призывом предоставить русскому языку статус второго государственного.

Ещё лучше, на мой взгляд, звучит такой вариант:

«К началу апреля под призывом предоставить русскому языку статус второго государственного подписались более 6 тысяч граждан Латвии».

Начало заголовка или предложения, открывающего новость, - хорошее место не только для обстоятельства времени, но и для обстоятельства места. Это видно на примере третьего сообщения. Ведь его смысл не в том, где именно сгорел вагончик, а в том, что произошло в Краснодаре. Исправить порядок слов на логически правильный я предоставляю читателю.

Кладем, забиваем, жжём!

Во время предвыборной кампании по всему городу появились плакаты с однотипными надписями:

«Сохраняем для жизни, для людей»;

«Развиваем для жизни, для людей»;

«Создаём для жизни, для людей»

и так далее.

Ни в коей мере не вдаваясь в политическую оценку этих произведений, не могу не дать им оценку лингвистическую.

Ожидается, видимо, что эти лозунги напомнят избирателям о проявляемой о них заботе. Вот только хочется спросить у авторов плаката: что именно вы обещаете сохранять и развивать? Ведь *сохранять* и *развивать* по-русски - переходные глаголы, то есть к ним в грамотной речи (в том числе и в лозунгах) требуются прямые дополнения. Сохранять можно исторические памятники, а можно и беспорядок; развивать можно как экономику, так и коррупцию; создавать можно произведения искусства, а можно подставные компании. Фразы с этими глаголами без дополнений так же бессмысленны, как и тост Шарикова из булгаковского «Собачьего сердца»: «Желаю, чтобы все!».

Уже хотя бы по изложенной - чисто лингвистической - причине обрубки фраз в виде лозунгов вряд ли могут кого-либо впечатлить.

Попутно замечу, что эти обрубки невозможно вразумительно перевести на другие языки, что лишний раз доказывает их бессмысленность.

Оптимальность как беременность

Избрание президента Украины в парламенте - **наиболее оптимальный** вариант для развития страны.

(Заявление на пресс-конференции Киевского центра политических исследований и конфликтологии)

Наиболее оптимальный вариант разрешения молдавско-приднестровского конфликта- это создание союзного государства.

(Из сообщения ИА REGNUM)

Нынешняя ставка подоходного налога - это **самый оптимальный** вариант на многие годы вперёд.

(Из интервью А. Кудрина «Российской газете»)

Интернет-поиск контекстов для выражения **самый оптимальный** дал около 300000 точных соответствий, а для выражения **наиболее оптимальный** - около 229000. Тревожные цифры. Употребляя эти выражения, люди, видимо, не понимают, что **оптимальность**, как и **беременность**, или наличествует, или отсутствует. Так же как нельзя быть «самой беременной» или «наиболее беременной», нельзя и говорить о «наиболее оптимальном» варианте. А вместо **менее оптимальный** надо говорить **неоптимальный**. Ведь **оптимальный** - уже значит 'наиболее благоприятный' (словарь С.И. Ожегова). Слова **более, менее, наиболее, самый** - показатели сравнительной или превосходной степени - сочетаются в этом значении с такими прилагательными, как **удачный, подходящий, приемлемый** и т.п.

Но необязательно искать синонимы! Говорите просто: **оптимальный вариант**, и ваша мысль будет выражена наиболее... эффективно!

Сегодня включим, завтра позвоним

«Единая Россия» **включит** свыше 150 беспартийных депутатов, представленных Общероссийским народным фронтом.

(Ведущий программы «Вести» на телеканале «Россия»)

Я уже смирился с тем, что «включим, включено, подключено» говорят электрики, радиотехники, некоторые компьютерщики и сотрудники телекоммуникационных компаний. Но всё-таки не ожидал, что это ненормативное произношение допустят и дикторы - ведущие одной из важнейших новостных программ крупнейшего центрального телеканала.

Сообщаю на всякий случай, что литературный русский язык допускает только один вариант ударения в формах слова **включить** и однокоренных с ним - на окончании, то есть **включИм, включИшь, подключенО**).

Но не успел пройти первый шок, как на экране появилось высокое должностное лицо. «Мы заявили на одной из наших встреч, - сказал он, - что включим в наши списки не менее 150 беспартийных кандидатов, представленных Народным фронтом». Угадайте с одного раза: на каком слоге он поставил ударение в слове **включим**?

Левая, правая где сторона?

- Вопрос: вот когда подпись под документом ставят политики, дипломаты двух сторон, то «обе **стОроны** подписали этот документ» или «обе **сторонЫ**»?

- Мы говорим всегда «обе **стОроны**», в данном случае я ссылаюсь на «Орфоэпический словарь русского языка» под редакцией Аванесова... значит, «обе договаривающиеся **стОроны**» и «под документом ставят подпись **стОроны**», причём это там специально оговаривается. Всё остальное... ты можешь говорить: «Они пошли на две **сторонЫ**». Вот здесь ты можешь выбирать ударение, а вот в случае с договаривающимися сторонами ты говоришь «обе договаривающиеся **стОроны**», «обе **стОроны** согласились»... Скорее, это термин, или, может быть, назовём это с

натяжкой профессиональным жаргоном, таким дипломатическим...

- Судебным, возможно, юридическим...

(Из передачи «Говорим по-русски» на радио «Эхо Москвы»)

Тут ведущая передачи смешала выражения «обе договаривающиеся стороны» и «под документом ставят подпись стороны». На самом деле это разные формы слова **сторона**.

В предложении «ставят подпись стороны» использован именительный падеж множественного числа, и в нём ударение действительно стоит на первом слоге. А вот в сочетании «обе стороны» дело обстоит иначе. Ведь **оба, обе** - это числительное, по грамматическим свойствам аналогичное числительным **два, три, четыре**. После всех этих числительных употребляется не множественное число, а родительный падеж единственного числа, так же как в сочетаниях «оба (два, три, четыре) стола», «оба министра». У слова **сторона** родительный падеж **сторонЫ**, поэтому сказать «обе сторонЫ» абсолютно правильно.

Другое дело, что вариант **стороны** тоже допустим в некоторых выражениях. Грамматический словарь А.А. Зализняка [1985] специально их отмечает: это **в обе стороны** и **на все четыре стороны**. Ударение в слове **стороны** в этих выражениях можно ставить как на первом, так и на последнем слоге.

Кстати, несостоятельна ссылка на орфоэпический словарь Р.И. Аванесова, где якобы «специально оговаривается» формула «обе договаривающиеся стороны». У Аванесова всё как раз наоборот и ничего подобного не оговаривается! Привожу словарную статью из издания 1988 года (а более позднего не было, кроме стереотипных):

сторона, -Ы, *вин.* стОрону, *мн.* стОроны, сторОн, сторонАм () по обе стОроны *и* по обе сторонЫ; на все четыре стОроны *и* на все четыре сторонЫ; на сторону (отдать, ходить) [Аванесов 1988. С. 583]

Итак, у Аванесова как раз приведены варианты: **по обе стороны** и **по обе сторонЫ**. Никаких других указаний про сочетание **обе стороны** там нет и в помине.

Ошибочно заявление о том, что **обе стороны** - это якобы профессиональный дипломатический и судебный жаргон. Но даже если бы это и в самом деле было так, то мы с вами ни в коем случае не обязаны были бы следовать этому жаргону в литературной речи, к которой, как известно, жаргон не относится (так же как судебно-пенитенциарный жаргонизм **осужденный** никак не может отменить литературно-нормативное **осуждённый**).

Итак, правильно говорить: «обе сторонЫ» (родительный падеж единственного числа), но «высокие договаривающиеся стороны» (без слова **обе** это именительный падеж множественного числа).

Не тревожьте Брежнева!

- Да, помнишь слово **развитой**, да? **РазвитЫе** страны...
- Да, замечательные примеры были, да: **развитой мальчик, развитой социализм** - было только два примера такого вот, собственно говоря, написания.

- Я могу только предполагать, что когда-то кто-то из высоких чинов это сказал типа Леонида Ильича Брежнева...

- Именно так оно и было!

- *Развитой*- и всё, и после этого это попало в словари.

(Из передачи «Говорим по-русски»на радио «Эхо Москвы»)

Ну, уж Леонид Ильич тут совершенно ни при чём!

Слово *развитой* было нормативным задолго то того, как Л.И. Брежнев вышел на политическую арену и вообще начал свою карьеру. Малый академический словарь [МАС 1984] приводит на слово *развитой* примеры из произведений Льва Толстого, трудов Михаила Калинина и Леонида Леонова.

Есть это слово и в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (т. III, 1939 год), где всё предельно ясно: *развитой* - прилагательное, *развитый* - причастие, да притом с ударением на букве *и*. (Существуют и другие пары прилагательное - причастие, аналогичные этой: *занятОй* - *зАнятый*, *обжИтОй* - *обжИтый*).

А прилагательное *рАзвитый* словари как раз не жалуют. Если верить авторитетным словарям (а «учёные» дамы с «Эха Москвы» любят в них смотреть, что ж не заглянули на этот раз?), то в качестве прилагательного форма *развитый* не является нормативным словом русского языка.

Между прочим, по той же модели, что и *развитОй*, образовано прилагательное *витОй*, хорошо знакомое инженерам (особенно в сочетании *витАя пара* - это вид кабеля). Или его тоже Брежнев придумал?

Вообще к чести отечественных лингвистов и лексикографов следует сказать, что никогда ни в один солидный словарь не было включено ни одно некорректное слово или словоформа только потому, что их употребил какой-то высокий чиновник или политический деятель. Словари всегда пополнялись новыми словами исключительно на основе научных критериев, с использованием прежде всего литературных источников. Так что домыслы радиоведущих в какой-то мере даже обижают наших русистов.

И неверно, что *развитой* употребляется только со словами *мальчик* и *социализм*. С этим словом возможно множество сочетаний, как опять же явствует из словарей: *развитЫми* могут быть *мускулы*, *личность*, *ребёнок*, *промышленность*, *инфраструктура*, *страна*. Да и просто любой человек может быть *развитЫм* или *неразвитЫм*. Это уж как повезёт.

Пользуют врачи, используют рвачи

Охраной лесов должны заниматься, во-первых, те, кто там живёт, а во-вторых, те, кто их *пользует*.

(Из заявления на пресс-конференции в МЧС)

Я желаю всяческого успеха министерству по чрезвычайным ситуациям в его деятельности и вовсе не хотел бы его критиковать. Цитирую заявление одного из руководителей ведомства лишь потому, что из его уст прозвучала распространённая в наши дни лексическая ошибка.

Странным образом в последнее десятилетие слово *пользовать* - казалось бы, вышедшее из употребления - снова стало популярным. Но употребляют его, не понимая смысла: ведь

пользовать значит 'лечить', и других значений у него нет (проверьте по любому словарю). Тем, кто читает или помнит русскую классику, это должно быть известно, но таких людей, по всей видимости, всё меньше.

В «обновлении» значения этого слова нет никакой необходимости: ведь для выражения данного смысла есть слова **использовать** (что-либо) и **пользоваться** (чем-либо). Поэтому употребление в этом значении слова **пользовать** есть не что иное, как речевая «грязь», идущая от незнания и небрежности. Как памятку для тех, кто хочет говорить правильно, я сочинил коротенькое двустишие, которое вынес в заголовок этой заметки.

Наём под заём, без займа нет найма

Минрегион предлагает давать жильё взамен аварийного только в найм. Минрегион России подготовил изменения в закон «О Фонде ЖКХ», <в котором> предлагается отказаться от практики переселения собственников в жилые помещения, предоставляемые им в собственность за счёт средств фонда, ограничив для них способы переселения - социальный либо коммерческий **найм**.

(«РЖ Новости»)

Возврат займа гарантирован, потому что пенсия обязательно придёт через два дня. Через ту же почту, через которую бабушка получала **займ**. И способа получить пенсию, не заплатив **займ**, у бабушки нет.

(Радио «ЭХО Москвы»)

Нормативными для русского языка являются слова **заём** и **наём**, у которых буква **ё** в именительном и винительном падежах чередуется с **й** в остальных падежах. Для тех, кому трудно запомнить правильные формы этих слов, я сочинил мнемотехнический стишок:

Под **заём** мы оплатим **наём**, а без **займа** не будет и **найма**!

Йгуртовый бунт

Пикет против изменений в правилах русского языка прошёл в Ульяновске. Члены клуба гражданского образования выступили против употребления слов *йогу*, *договор*, а также *кофе* в среднем роде.

Пикет прошёл у здания министерства образования области. В нём приняли участие около десятка членов клуба с плакатами. По мнению собравшихся, новые правила возможно были введены из-за того, что кто-то из чиновников неверно употребил некоторые слова, и под него переделали произносительные нормы. Члены клуба начали сбор подписей за отмену новых правил.

Напомним, жителей Ульяновска возмутил приказ министерства образования и науки, по которому были введены новые правила.

(Сообщение радиостанции «Эхо Москвы»)

Я думал, бессмысленные страсти из-за министерского приказа уже перекипели и затихли. Но кто-то продолжает муссировать проблему, которой на самом деле нет, представляя чуть ли не как массовую акцию протеста пикет горстки малокомпетентных людей, не желающих толком разобраться в вопросе. То, что такие люди всегда найдутся, ясно, но почему журналисты не утруждают себя ответственным подходом к освещаемой теме?

Итак, из-за чего сыр-бор?

Начнём с приказа, о котором идёт речь. Это приказ №195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка...».

А в нём - 4 словаря, назову их:

1. Орфографический словарь русского языка. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. - М.: АСТ-ПРЕСС,

2008.

2. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Зализняк А.А. - М.: АСТ- ПРЕСС, 2008.
3. Словарь ударений русского языка. Резниченко И.Л. - М.: АСТ-ПРЕСС, 2008.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Телия В.Н. - М.: АСТ-ПРЕСС, 2008.

Хотя все эти словари и датированы 2008 годом, всё это старые, много раз издававшиеся словари. И составлены они уважаемыми, высококвалифицированными филологами. Новых норм эти словари не вводят!

Из-за чего же волнуются борцы с министерством образования? Разберём по порядку. Так, им не нравится ударение в слове *йогУрт*. Друзья мои, да ведь это слово существует в русском языке с 30-х годов XX века и вошло в него именно с таким ударением! Оно зафиксировано (правда, в формах *югУрт* и *ягУрт*) ещё в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, вышедшем в 1935-1940 годах! В форме *йогУрт* оно вошло в Орфографический словарь 1974 года и Орфоэпический словарь 1983 года. Оба эти словаря были выпущены Академией наук СССР.

Многие люди старшего поколения знают, что в прошлом это был напиток тюркских народов, и по-русски такое ударение соответствовало произношению в тюркских языках. Лишь в 1990-е годы, когда к нам стали завозить этот продукт из западноевропейских стран, это слово начали произносить на английский манер с ударением на первом слоге.

Так что новой нормы министерство в прошлом году не вводило, оно лишь подтвердило старую норму, которую никто не отменял! При этом никто никому не мешает говорить *йОгурт*, эта новая норма отражена в современных словарях, например [БТСРЯ 2000; НБРАС 2004].

Теперь о слове *кофе* в среднем роде. Во-первых, такое его употребление придумало не министерство, так это слово используют очень многие люди. И причины этого понятны: ведь в русском языке существительные на *-о* и на *-е* относятся к среднему роду, так что русская речь стихийно пытается избавиться от единственного исключения.

Эту реальность «Грамматический словарь» А.А. Зализняка зафиксировал ещё в 1975 году! (Где вы были тогда, протестующие?) Но самое главное, что такое употребление было отмечено вовсе не в качестве замены традиционному употреблению *кофе* в мужском роде, а лишь как допустимый дополнительный вариант, соответствующий и реальной речи, и языковой системе.

Ну, и про *дОговор*. Это ударение (опять-таки как дополнительный, причём разговорный или просторечный, вариант) словари указывают тоже аж с 30-х годов прошлого века (смотри, например, [Ушаков 1934- 1940]), а наши ревнители русского языка спохватились спустя 80 лет!

Я тоже предпочитаю говорить *договОр*, но не понимаю, как можно всерьёз повторять несуразности о том, будто «произносительные нормы переделали под кого-то из чиновников»...

Резюмирую свои мысли, чтобы их не извратили:

1. Министерство никаких новых правил не вводило, оно лишь приняло некий рекомендательный список из давно известных словарей.
2. В этих словарях зафиксированы, кроме прочего, разговорные и устаревающие нормы,

существовавшие много лет! Они там есть, потому что словарь отражает развитие языка на протяжении длительного периода.

3. Никакой исключительностью эти справочники не обладают, нормы русского языка постоянно колеблются и допускают варианты. Эту динамику адекватно отражает только совокупность словарей. Одни вещи показаны лучше в одном словаре, другие - в другом. Так было всегда и везде, ничего нового не произошло.

4. Очень плохо, когда любой троечник, который уж забыл, когда последний раз смотрел в словарь, мнит себя знатоком русского языка. А журналистам лучше не муссировать некомпетентные протесты, повторяя измышления про «переделку норм», а консультироваться со специалистами, просвещать народ и просвещаться самим в языковых вопросах.

Предоставьте филологам заниматься делом, которое они как профессионалы знают лучше вас.

Рекламный предлог

Щетинки с ионами серебра сдерживают рост бактерий **до трёх месяцев**.

(Из телевизионной рекламы зубных щёток)

Duracell Turbo работает **до 40% дольше**, чем обычные щелочные батарейки.

(Из телевизионной рекламы батареек)

Взгляд **до 12 раз** более выразительный.

(Из телевизионной рекламы туши для ресниц)

Услышишь эту рекламу и не можешь отделаться от ощущения неестественности. Спустя несколько секунд понимаешь: всё дело в предлоге **до**. Ведь как мы обычно говорим о длительности каких-либо событий или об изменении некоего параметра? Мы чаще всего используем предлог **на** (например: «Подача электроэнергии прекратилась **на** два часа»; «Он задержался там **на** три месяца»; «Италия приостановила действие шенгенских виз **на** период саммита в Аквиле»; «Уровень воды понизился **на** метр»). А если речь идёт о кратных изменениях, употребляется выражение **в несколько (во столько-то) раз**. Но рекламодатели боятся этого предлога, так как он звучит слишком определённо. Сущей находкой для них оказался русский предлог **до**. Если объявить скидки **на** 30 процентов, придётся именно так и сбавить цену на товар, а вот формулировка **до 30 процентов** никого ни к чему не обязывает: могу скинуть на 30%, а могу и на 1% - в любом случае будет **до**, то есть или в таком размере, или меньше.

Вот поэтому мы и слышим, и видим постоянно в рекламе: «морщины сокращаются до 30 процентов», «защита от пота до 24 часов», «до двух раз меньше калорий». Всё это не по-русски, а иногда и извращает смысл. Ведь, строго говоря, «морщины сокращаются до 30 процентов» означает, что размер морщин равен 30 процентам от прежнего (а хотят сказать, что они сокращаются на 30% или меньше).

«Сдерживать рост бактерий до 3 месяцев» на самом деле значит 'ограничивать рост бактерий тремя месяцами', то есть в течение трёх месяцев бактерии растут, а потом прекращают.

Так как же правильно? В предложении должны наличествовать оба предлога - и **до**, и **на**

вместе со словами *срок, период, величина* и т.п.:

Щетинки... сдерживают рост бактерий **на срок до трёх месяцев**.

Duracell Turbo работает дольше, чем обычные щелочные батарейки, **на период до 40%**.

Размеры пенсии повышаются **на величину до 80%** от базовой.

В других случаях предложение необходимо перестроить. Так, неправильно сказать: «Лампочки снижают расход электроэнергии до 80%» (если имеется в виду: 'на 80% или менее'), но можно сказать: «Благодаря таким лампочкам экономия энергопотребления достигает (или: доходит до) 80%».

А как же быть с фразочками вроде «Взгляд до 12 раз более выразительный»? Прежде всего не могу не отметить не только безграмотность, но и бессмысленность именно этой формулы. Кто, когда и чем измерял выразительность взгляда, чтобы приводить такие цифры? Расчёт, по-моему, на абсолютных неучей, которых легко ослепить псевдонаучными утверждениями.

Но для построения осмысленных сообщений, где надо сообщить об увеличении (уменьшении) количества в какое-то или меньшее число раз, я вижу один путь: использование наряду с предлогом *в* слова **максимально**, например:

Ваши накопления увеличатся **максимально в 3** раза.

Количество болезнетворных микроорганизмов сокращается **максимально в 10** раз.

Корпорация монстров

Добро пожаловать в клуб **монстров!** Здесь свои законы. Первый закон **монстров**: Не плати за минуту разговора со своими больше 5 копеек. Второй закон **монстров**: Не плати за СМС своим больше 5 копеек.

[Из ролика телекоммуникационной компании, рекламирующего тариф «Монстр общения»]

Перед нами - два **монстра** советской эстрады: Лев Лещенко и Вячеслав Добрынин!

(Из реплики телеведущего)

Посмотришь на молодых людей из рекламного телеролика и ни за что не назовёшь их монстрами. Вполне себе симпатичные ребята. Конечно, пальма первенства в странном употреблении слова **монстр** принадлежит отнюдь не этому рекламодателю. Я уже ряд лет отмечаю про себя ту метаморфозу, которую претерпело значение этого слова в речи некоторых людей.

Вот и телеведущий прямо в лицо назвал двух артистов «монстрами» эстрады. И если бы он один! Одна известная актриса, писательница (!) и режиссёр, рассказывая по телевидению о таких знаменитых своих старших коллегах по актёрскому цеху, как Нонна Мордюкова, Лидия Смирнова и другие, с искренним восхищением назвала их как-то «монстрами советского кино». А один раз, когда я выступал на заседании Клуба переводчиков, кто-то из задавших вопрос назвал и меня «монстром перевода». Я бы обиделся, если бы прежде уже не сталкивался с этой семантической абберацией.

Нет, как хотите, но **монстр** - это 'чудовище, урод' (словарь С.И. Ожегова). Слово определённо негативного ряда. Телефонная компания, введя тарифный план под названием «монстр общения», имела в виду, конечно, «**гигант** общения!» Ну, и телеведущим лучше

называть любимых артистов как-нибудь иначе (к примеру, *звёздами* или *мегазвёздами*), а не записывать их в чудовища или уроды...

Тяжёлая нынче времечка

Прилавки супермаркетов не перестают терзать моё зрение, а телереклама - мой слух, предлагая подсолнечное масло под названием «Золотая *семечка*».

Какого грамотея осенила идея такого бренда? Нет, пусть ни у кого не будет сомнений в том, что это не бренд, а бред. И *семя*, и *семечко* - слова среднего, а не женского рода!

Нора Галь.

СЛОВО ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ

Не своим голосом

Помните, у Некрасова в Ледовитом океане лодка угляя плывет и молодой пригожей Тане Ванька песенки поет?

Хорошо поет, собака,

Убедительно поет...

Да, объясняться в любви не только стихами, но и прозой надо *убедительно*, иначе Таня Ваньке не поверит.

А меж тем в сотнях рассказов, романов, очерков, переводных и отечественных, разные люди по разным поводам разговаривают так, что кажется, вот-вот сотни тысяч читателей отзовутся знаменитым громовым *«Не верю!»* Константина Сергеевича Станиславского...

Все язвы и уродства канцелярита, о которых уже говорилось, вдвойне безобразны и нетерпимы в *живой речи* героев.

Кто поверит герою старого романа, если он объясняется так: «Я убедился, *что ваша прекрасная внешность соответствует вашим душевным качествам*».

Звучит совсем как пародия! А надо хотя бы: убедился, что *душа ваша так же прекрасна, как и лицо*.

И девушка на это отвечает: «Я ценю *оказываемую мне честь*».

А что бы ей ответить: *Вы оказываете мне большую честь*, либо: *Это для меня большая честь*, либо уж: *Я очень польщена...*

Мы настолько отравлены канцеляритом, что порою начисто теряем чувство юмора. И уже не в романе, а в жизни, в самой обыденной обстановке человек вполне скромный всерьез говорит другому: «Я выражаю вам благодарность».

Он не чувствует, что это не только вычурней, напыщенней, чем хотя бы я *вам очень благодарен*, но и попросту нескромно: *выражают* или *выносят* благодарность в случаях торжественных, официальных, в приказе. В обычных же условиях мы *благодарим* друг друга — проще да и теплее. А уж если выражаться почтительно и немного старомодно, можно благодарность (и даже нижайшую!) не *вынести*, а *принести*.

«Тогда я *нанесу ему визит*», «Я *доложу* ему о нашем разговоре» — читатель подумает, что беседуют дипломаты. И ошибется: разговаривают *он* и *она*. «Я *должна* тебе кое- что *доложить*» — это из самого что ни на есть личного разговора. А вот, не угодно ли, о свиданиях влюбленной пары: *график* свиданий! Тут казенное словечко еще и неверно: никто не составлял заранее *графика* свиданий и никто не вычерчивал кривую прошлых, уже состоявшихся встреч.

А ведь и в жизни, и в хорошей книге *речь* должна быть *убедительной, правдивой, достоверной*.

Литераторы подчас забывают, что *у разговорной речи свои законы*. Многие слова, обороты, построения, которые в авторском повествовании возможны, порой (не очень часто!) нужны, порой (с грехом пополам!) простительны, совершенно невозможны, противоестественны в речи живых людей.

Но вот разговор:

— О вашей идее... никто из них ничего еще не знает. И давайте сообщим *им ее* не сразу...

— А как бы подведем их самих к *мысли о желательности ее осуществления* у нас... — *горячо подхватывает* (собеседник).

Попробуйте горячо (а значит, быстро) произнести такую фразу!

Роман конца XIX века, тот самый, где влюбленный говорил девушке о ее «душевных качествах». В час банкротства человек взволнован, потрясен, но при этом изъясняется так:

— *Мы не можем допустить, чтобы* вы пошли на это, *не будучи осведомлены* (об истинном положении дел), — как ты считаешь, брат?

Естественней примерно: *Ведь это такой опрометчивый шаг, мы обязаны вас предупредить, — правда*, брат?

Еще из объяснений в любви: «Вы уже немного знаете, что я человек состоятельный, но мне бы хотелось, *чтобы это не влияло на ваше отношение ко мне*».

Это говорит не сухарь или денежный мешок, нет — ученый чудак, человек достойный, притом одинокий и несчастливый. И верней хотя бы: Пожалуйста, *сейчас не думайте об этом (забудьте)*, либо: Я хотел бы, чтобы сейчас вы об этом не думали.

Объяснение продолжается:

Скажите, могли бы вы быть счастливы, *имея мужем вот такого человека, как я?*

А можно бы:

— Вы уже немного знаете, что я за человек, — могли бы вы быть счастливы с таким мужем?

Девушка отказывает жениху, потому что ей сделал предложение другой, богатый. Но об этой причине она лицемерно умалчивает:

Со *времени разорения моего бедного отца я не могу допустить мысли*, что из-за меня ты жертвуешь своей карьерой. (Помимо канцелярита здесь еще и двусмысленность!)

Тщательно *взвесив все обстоятельства*, я решила освободить тебя от твоих *обязательств*.

Кто поверит, будто живые люди тревогу, волнение, радость, ревность, злость выражают так:

— Я кое-что знаю о *причинах внимания, которым он окружает вас*.

С тех пор, как мой несчастный отец разорился, мне нестерпимо думать, что из-за меня ты жертвуешь своей карьерой.

Я все (тщательно, хорошо) *обдумала* и решила освободить тебя от твоего *слова* (или, как говорили в старину, *вернуть тебе твое слово*).

Не естественней ли, не достовернее ли сказать хотя бы так:

- Я знаю (догадываюсь), *почему* он к вам так внимателен.

Девица почти в истерике выгоняет из дому того, кто, сам не подозревая, помешал ее помолвке с другим:

— Это твое последнее слово? — спрашивает он.

— Последнее *слово, которое ты от меня слышишь*

— Да, последнее, больше ты от меня ничего не услышишь (или уж: Да, последнее, между нами все кончено!).

Недобрый старик, да еще хмельной, огрызнулся в таких выражениях:

Я не позволю, *чтобы* меня *постоянно отодвигали* на задний план.

А надо бы

— Нечего меня (вечно) оттирать...

Такая речь трижды нелепа и неправдоподобна в книгах очень современных, в устах героев нынешних (а подчас и послезавтрашних — в фантастике!).

Не странно ли, что бойкий журналист в разгар стремительно несущихся событий говорит обстоятельными, гладкими, зализанными фразами из учебника: «Вы не возражаете *против того, чтобы я включил* магнитофон?»

А естественней (да еще при таком характере и профессии, в такой обстановке!) просто: Я *включу* магнитофон — *не возражаете?*

Из другой книги. Муж разговаривает с женой: «Так случилось, что *необходимость в приобретении...* запонка *совпала с достаточным для их покупки количеством денег в моем кармане*». А нужно: Мне *понадобились* приличные запонки, и я *как раз был при деньгах*.

И чуть дальше: «Мы договорились... что не позволим себе опуститься и стать неряхами, *как это происходит с некоторыми семейными парами, занимающимися* разведкой планет... Ты, наверно, помнишь ту ужасную пару... мужа и жену, *пригласивших нас* пообедать...»

Рассказ-то, конечно, фантастический, где же еще супружеская чета может заниматься «разведкой планет». Но вряд ли даже в самых фантастических условиях, в самом дурном сне люди разговаривают эдаким языком!

Из семейной ссоры в современном детективе: «*По крайней мере я могу поведать миру, что ты на самом деле собой представляешь и как ты обращаешься со мной*».

У автора I can let the world know, тон летописца или пророка ни к чему, жена сгоряча крикнет примерно: *Всем расскажу* (все узнают), *какой ты* на самом деле и как со мной обращаешься!

Врач — больному: «Покажите мне, *как глубоко вы можете вздохнуть*».

Буквально — и совершенно неправдоподобно. Тот, кто вывел это на бумаге, наверняка не раз слышал и сам: «А ну-ка, *вдохните поглубже...*»

В сердцах, в жарком споре люди говорят так:

— ...с тобой я никогда не был полицейским, — сказал он *напыщенно* и *возмущенно* (хоть бы — со злостью!).

— Да ты вообще *ни разу в жизни не был ничем другим*. И *не можешь быть*. Фараон уже никогда человеком не будет.

Право, *этой* женщине, в *таком* разговоре естественней было бы выражаться иначе. К примеру: Да *ты всю жизнь такой!* И *не переменишься, куда тебе!* *Фараон — он фараон и есть*.

Легкая, насмешливая полупритча-полусказка. Но в первом варианте перевода фантастические персонажи разговаривали так, как в примере 1, хотя лучше бы — как в примере 2:

Пример 1

Ты совсем не изменился *с тех как я видела тебя* (столько- то)лет тому назад.

—...За те годы, что мы не виделись (за столько-то лет, что...),

либо:

— Мы столько лет не виделись, а ты ничуть не изменился.

— Будут мужчины *спорить за право* танцевать со мной первыми?

— Они *будут* (!!!)

Пример 2

— И мужчины будут *наперебой - меня приглашать?*

— Да, еще бы! (Или даже — *все как один* \ Ибо тут важна не буква, а окраска, тон)

— А в городе все *увидят меня красивой? Это не просто воображение или твое притворство?*

—...*увидят, что я красивая? Может быть, ты меня обманываешь*

Поневоле вспомнишь, как бойко и бездарно переводила хорошенькая mademoiselle в «Дорогих уроках» Чехова...

Или: «Да, черт подери, компания была невеселая, клянусь, *нет!*» Нет, не верится! Ни во сне, ни в бреду, ни в пьяном виде живой человек так не скажет. Так может написать только обделенный слухом и чутьем переводчик-формалист. Суть и настроение, а не форму этого сердитого возгласа наверняка лучше передаст что-нибудь вроде: Да, невеселая была компания, черт подери, можете мне поверить. Или тоном выше: Вот провалиться мне, компания была не из веселых!

Плохо, если герой книги изъясняется неестественным, «не разговорным» языком. Ну а если он вдруг заговорит «не своим голосом»? Беда, если автор не слышит неуместной развязности, никчемной выпренности, фальшивых интонаций.

Трудно поверить, что врач способен заявить тяжело больному, да притом давнему своему другу: «И вот, *глядя на вас сейчас и принимая во внимание состояние вашего здоровья вообще, я полагаю*, что вы *проколачиваетесь* с нами еще несколько месяцев, а то и лет».

Спешу успокоить читателя: до печати дело не дошло. Переводчик пытался передать to be around нестандартным оборотом, но где же, как говорится, был слух его души? Получилась смесь кальки и развязности, по меньшей мере странная в *таком* разговоре. Мужественному человеку, другу врач может сказать правду, но не теми словами! Естественней и тактичней: думаю, *вы протянете, продержитесь* еще несколько месяцев.

Интонация говорящего зависит от его нрава, от всей обстановки и настроения. Тут в переводе никак нельзя рабски следовать форме, синтаксису подлинника. Энергичный, напористый, грубоватый человек скажет скорее

не так:

— Здесь нужно все уничтожить.

— Вы нам вовсе не нужны!

— Выхода нет, *так как* дело наше *не терпит промедления* (а получается длинно, долго и медленно!)

а иначе:

— Мы тут не оставим камня на камне.

— Обойдемся без вас!

— Выхода нет, дело наше *спешное!*—

И если человек спешит, станет ли он выговаривать нескончаемое: «Иду *незамедлительно*»?

Совсем иначе звучит каждое слово у литератора, наделенного подлинным слухом, душевным чутьем.

Лирическая повесть. Две старушки совершили легкомысленный не по годам поступок — купили машину, не очень умея ею управлять, покатали по улице и чуть не задавили человека.

— Как ты думаешь, он умер?

— Мистер К.?

После недолгого молчания следует короткий ответ: «Да». И если так сделать в переводе, смысл ответа окажется: «Да, умер». Поэтому переводчик отходит от буквы подлинника, и ответ звучит иначе: «Кто же еще...»

Все окончилось благополучно. Старые проказницы больше не будут кататься по городу, но им разрешено оставить машину у себя. И поначалу переводчик написал: «*И на том спасибо*». Но спохватился: уж очень лихо получается для этих старушек, для их настроения, ведь они еще не оправились от испуга. И переводчик находит психологически и стилистически верный тон: «*Все-таки утешение...*»

Речь старика. В подлиннике дословно: «Я знаю, у вас самые похвальные намерения. Но *так как я нахожусь уже в* весьма почтенном возрасте, *то* с моими желаниями *все-таки следует считаться в первую очередь...*»

В переводе: «...но я все-таки уже *достиг* весьма почтенного возраста. И с моими желаниями *не грех* считаться...»

Переводчик не следует покорно и слепо за подлинником, отбрасывает все лишнее, перестраивает фразу по-русски, и она становится ясной, непосредственной, ей веришь. Ибо служебные, подсобные слова и словечки в живой речи нередко оказываются помехой. Фраза спотыкается, точно у иностранца — новичка в русском языке.

«Как я *могу быть уверен, что вы не придумаете все, что хотите?*» Нормальный человек, даже и полицейский комиссар, скажет хотя бы: *Откуда мне знать, что вы не*

выдумываете? (А допрашивая человека попроще, он и сказал бы, пожалуй, просто: Почему я знаю, может, вы всё врете.)

Как известно, в английском языке практически нет местоимения *ты*. Англичанин беседует на *ты* только с богом, да иногда — в высокой поэзии, чаще всего в прошлые века — с возлюбленной. Но когда у переводчиков-формалистов бродяги, воры, дети (например, в «Оливере Твисте») разговаривали на вы, когда на вы почтительно обращались к собаке, кошке, младенцу, по-русски получалось нелепо и фальшиво.

В старом переводе известного романа Уэллса вспыльчивый Невидимка гневно кричал: «Не уроните книги, *болван!*» Но этому переводу добрых полвека.

А вот, не угодно ли, не столь давно в переводном рассказе один герой *пролаял* другому: «Куда лезете!» А в современном детективе полицейский — сушая горилла! — говорит так: «Бросьте пороть чепуху. Не думайте, *что* я настолько *глуп, чтобы* слушать вас».

Уж до того гладко, до того книжно...

По-английски никак нельзя написать, допустим, he touched the brow with a hand или he put a hand in the pocket, а надо: his brow, his hand, his pocket. По-русски совершенно ясно, что человек сует в карман или подносит ко лбу *свою* руку, а не чью-либо еще. Чаще всего, если лоб или карман — его собственный, это ясно и так, особо оговаривать незачем. Надо лишь оговорить, если он тронул чей-то чужой лоб, скажем, лоб больного ребенка, либо запустил руку в *чужой* карман.

А вот у неумелых переводчиков или у буквалистов и формалистов то и дело читаешь: он сунул *свою* руку в *свой* карман, он провел рукой по *своим* волосам...

Но заметьте, у иных литераторов и не в переводе множество лишних местоимений, мусора вроде: Я позвал *его в свою* новую квартиру вместе с *его* женой, и они пришли вместе со *своими* детьми.

Говорят даже так: «Заткни *свою* глотку!» Право, местоимение тут столь же необязательно, как в возгласе «Хоть *ты* плачь!». Или в сообщении: «К нему вернулась *его* прежняя твердость духа» — чья же еще?!

Особенно некстати лишние местоимения, союзы, связки в отрывистом взволнованном диалоге.

— ...Будешь *ли* ты добр ко мне?

— Да, я буду добр.

— *Я* верю тебе. О, *я* верю.

— Ты будешь добр ко мне? (или: ты не обидишь меня?)

— Да. Буду (или: нет, не обижу).

А еще естественней просто:

— *Буду* или *да* (или — *нет*)

— Верю тебе. Верю.

Изумленный отец услышал, что богач просит руки его дочери.

«И что же ты *ему* на это сказала?» А в подлиннике очень коротко, даже отрывисто: «And you said?» — «Что же ты сказала?» (или даже: Ну, а ты?) И дальше: «And you will say...»

— Каков же будет твой ответ?

— Что же ты ответишь?

Почти всегда лучше *отсеять вспомогательные глаголы, неизбежные в западных языках*. Это тоже — азбука профессии. Вспомогательный глагол с инфинитивом делает фразу тяжелой, громоздкой. Незачем переводить «*смог* наконец разгадать», «*мог* отчетливо видеть» — все эти *can* и *could* в русском тексте не нужны. (Однако тем же постоянно грешат и не переводчики.)

«Я *могла бы быть готовой* к завтрашнему дню, *если б это было нужно*». Истоиво переданы все чужие глагольные формы, но кто же поверит, будто живая женщина так разговаривает? Скажет она, разумеется, проще: Я *буду готова* хоть завтра, *если надо*.

Столь же невозможен, фальшив такой канцелярит и во *внутренней речи, в раздумьях*. А ведь внутренний монолог, поток сознания так обычен в современной прозе. В западном оригинале местоимения *он, она* все же остаются, по-русски они не обязательны, и в переводе лучше раздумья и ощущения передавать безлично или *от первого лица*. Сколько-нибудь чуткий переводчик всегда поймет, где и как это можно и нужно сделать. А нечуткий загубит самую трагическую страницу.

Развязка хорошего романа, развязка бурной судьбы. Человек умирает. Смутно, в полубреду воспринимает он окружающее; обрывки ощущений — мучительная боль, жажда — перемежаются обрывками мыслей, воспоминаний... И вот как это выглядит в переводе:

«*Ему* больно. Он ранен. *Очевидно, он жертва* какого-то несчастного случая... Он *хочет* поднять руку — руки в кандалах... *ему хотелось бы попить еще...* *ему* больно. У *него* болит все... очевидно, о *нем* позаботились, перевязали *его* раны. И вдруг одна мысль пронизывает *его* дремлющий мозг. *Ему* ампутировали ноги. *Какое значение имеет это теперь. Его* ноги... *Ему хотелось бы знать...*»

«*Ему* больно» и «*его* ноги» — снова и снова повторяются эти слова на нескольких страницах и вкуче с канцеляризмами начисто разрушают впечатление. А ведь эту смертную муку надо передать по-русски так, чтоб за душу хватало. И правдивей вышло бы, дай переводчик все это изнутри. Хотя бы так:

Больно. Он ранен. Наверно, случилось какое-то несчастье... Поднять бы руку — руки в кандалах... Попить бы еще. Больно. Болит все: рот, ноги, спина... Видно, о нем позаботились, перевязали раны. Внезапная мысль пронизывает дремлющий мозг. Ему отняли ноги! Теперь уже все равно (или — *не все ли* равно?). Ноги... Надо бы узнать...

Другая книга, совсем иная картина, мысли и чувства в ином ключе: бешеная скачка, погоня, человек едва не погиб. У автора дословно: «*Как он* потом рассказывал, *ему* пришло на мысль, *что* за кустами не может таиться опасность, иначе лошадь почувала бы и шарахнулась...»

В подлиннике фраза не получается такой тягучей хотя бы потому, что английские слова сами по себе — *короткие*. А по-русски выходит длинно, вяло, и читатель остается равнодушным.

И правильнее передать эту сценку сиюминутно, в движении, передать мысли и ощущения такими, каковы они *сейчас*, во время погони: *Но нет, там, за кустами, не может таиться*

опасность.

Между тем нередко пишут так: (это) «...*породило в ней еще большую уверенность в своих силах и умении достичь очень многого, стоит ей лишь пожелать*». А надо бы примерно: (это) *укрепило ее веру в свои силы — да, конечно, она сумеет достичь многого, стоит только пожелать!*

Раздумья другого героя:

Он должен немедленно ее увидеть

Рассказать бы ей историю этого дома! *Но этого он не может сделать.*

...Уж так устроен человек: *знает, что* все это сплошное мошенничество, и все-таки *надеется, что ему повезет.*

Естественней было бы:

Надо сейчас же ее увидеть.

...Да нельзя!

...И знаешь... а все-таки *надеешься: вдруг повезет!*

Еще попытка изобразить внутренний мир героя. Поверите ли вы, что человек *думает и вспоминает* так:

(Европа) «...*где так много людей голодало и где в то же время некоторые обладали достаточными средствами, чтобы* покупать шампанское, икру и женщин в ночных кабаре, где (герой, музыкант) выступал...»

А вернее передать раздумье примерно так:

...там столько людей *голодает*, зато *кое у кого вдоволь денег* и на шампанское, и на икру, и на женщин в ночных кабаре, где он выступал...

Это тоже прием: передавая *мысль, ощущение*, по-русски естественней ввести *настоящее время.*

Очень важно это умение показать героя *изнутри*, передать его раздумья и ощущения убедительно, достоверно.

Переводчик-буквалист пишет, к примеру:

...в зале есть и белые, а они-то *не являются моими друзьями*

У меня была мечта, *которая теперь уже не может быть осуществлена...* Я мечтал, *пока не заболел и вынужден был вернуться на родину*

Живой человек, разумеется, думает иначе:

...а они — не друзья мне

У меня была мечта, теперь уж ей не сбыться... А потом я заболел, и пришлось вернуться...

А вот мысли и настроения не грамотной старой негритянки — матери героя:

Его мать считала, что ее сыну оказывают большую честь тем, что пригласили его выступить перед учениками в школе для белых...

Неужели все такие или это *свойственно только мне?*

В переводе надо убрать все лишнее — и говорить (думать) за нее и от нее:

Мать была *польщена: какая честь*, сына пригласили выступить в школе для белых!

Неужели со всеми так? Или *это я один такой?*

После непривычной передряги герой выбился из сил, но еще возбужден и рассуждает

буквально так:

Мне *следовало бы* раздеться. Я *весь мокрый от пота*. Теперь надо выпить побольше виски, *чтобы не простудиться*.

Герой немолод, притом человек кабинетный, но сгоряча он скажет не так вяло. Вот почему в книге напечатано:

Не догадался, надо было раздеться. *Весь взмок, хоть выжми*. Надо выпить побольше виски, а *то еще схвачу простуду*.

Упрямая старуха решает открыть неподатливую дверь «хотя бы ценою собственной жизни». Лучше и это передать как бы от нее самой, к примеру: *жива не буду, а открою*, решила она.

Когда в книге разговаривают дети или люди не очень культурные, когда человек спешит, волнуется, сердится, захвачен любым сильным чувством, особенно фальшиво и неуместно каждое лишнее слово, гладкопись, казенщина, сложные синтаксические построения. От этого надо избавляться во что бы то ни стало. Лишь тогда читатель в каждом случае поверит, что *такой* человек, в *такой* обстановке, в *такие* минуты и вправду говорит и думает именно так, а не иначе.

Н.П. Колесников

СТИЛИСТИКА И ЛИТЕРАТУРНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

Об избыточной лексике

Избыточной лексикой называем те слова, которые, находясь в предложении, не сообщают ничего нового, необходимого для точного понимания текста. Что нового сообщает слово «вверх» в предложении «Звезда Джона Мейджора стала стремительно восходить *вверх* и его назначили министром»? Здесь избыточным будет слово «вверх», которое необходимо изъять, поскольку глагол «восходить» уже указывает на направление движения вверх, а не вниз и не вбок. В предложении «Число членов партии не превышает две тысячи человек» можно изъять слово «человек»:...не превышает двух тысяч. Изъятие слова «людей» в предложении «Так говорят те двое людей, пожилой мужчина и пожилая женщина» не наносит ущерба этому предложению.

О глаголах «ощущать» и «чувствовать»

Ощущать — значит воспринимать органами чувств, чувствовать, воспринимать сознанием.

Чувствовать — испытывать какое-нибудь чувство, физическое или душевное состояние: Она слушала звуки его голоса, видела его лицо и игру выражения, ощущала его руку (Л. Н. Толстой, Анна Каренина). Он чувствовал потребность побродить на чистом воздухе (И. С. Тургенев, Вешние воды).

Журналистка Н. Желнорова в беседе с дочерью Горбачевых — Ириной Вирганской спросила ее: «Как вы себя *чувствуете*, будучи дочерью такого великого человека?» В ответ она услышала: «У меня ответ всегда очень простой: Я *ощущаю* себя дочерью» (Арг. и ф., № 7, 2000 г.). Вопрос сформулирован правильно. А ответ?

Об употреблении местоимения «кто»

Относительное местоимение «*кто*» употребляется только в форме единственного числа. Будучи в предложении подлежащим, оно согласуется в числе со сказуемым: Кто так говорит, так действительно и думает. «Кто» входит в состав придаточного предложения при главном, начинающемся указательным местоимением «тот» в форме множественного числа (те, тех, тем, теми, о тех): Третья серия будет доступная *тем*, *кто* будет отобран; Будем искать понимания у *тех*, *кто* станет хозяином положения; *Тот*, *кто* называет себя демократом, на деле является тоталитаристом; Может, действительно, правы *те*, *кто* считает нынешнюю суету ненужной.

Нарушением этого правила является употребление слова «кто» со сказуемым в форме множественного числа: Те, кто нас на подвиги подбили, давно лежат и корчатся в гробу (В. Высоцкий); Есть среди нас те, кто сердятся только раз в месяц; Здесь сидят везде те, кто переворот совершили.

Будет ошибкой употребление в таких конструкциях имен существительных в форме множественного числа: Будем искать понимания у тех, кто станет хозяевами положения после войны; Кто же был вашими клиентами? Ребятам выбрали из числа тех, кто показал себя умелыми организаторами и лидерами в школах и лицеях.

Место указательного местоимения «тот» могут занимать другие местоимения «такой», «весь»: Найдутся и такие, кто ищут правды для своего тоскующего ума, и в этом движении думают найти ее (В. Ф. Комиссаржевская); Объединиться всем, кто чувствует себя россиянами. Замена местоимения не улучшила предложение, не устранила ошибку.

Об употреблении слова «напрочь»

Разговорное наречие *напрочь* имеет значение «совсем», «окончательно» и употребляется с глаголами **отрубить**, **оторвать**, **отделить** и т. д. Его нельзя смешивать с разговорным наречием *напрочно* (прочно, крепко присоединить, приделать).

Наречие *напрочь* уместно употреблено в следующих предложениях: «Он уж Салтанову голову *напрочь* ножом отмахнул» (Короленко); «Руку ему оборвало *напрочь*» (Фурманов); «Родион *напрочь* отбросил все сомнения» (Мальцев); «*Напрочь* бы оторвала Марья ухо» (Смирнов).

Что же касается приводимых ниже предложений, то в них *напрочь* ошибочно употребляется вместо наречия *напрочно*, отмечаемого Вл. Далем и приводимого С. И. Ожеговым. Вместо «напрочно» может быть употреблено наречие «начисто»: Посетители данного заведения, попав туда, начисто забывают про еду и выпивку; Их идеи, казалось, начисто лишены здравого смысла; Так и шагает студент, инженер, кандидат наук по ступенькам служебной лестницы, начисто лишенный потребности в знании родного языка; Они начисто опровергают.

Употребляются и другие наречия: Их телефоны на прошлой неделе были наглухо отключены; Никакой новый текст не сможет стереть намертво приставшие к музыке Александра

слова.

Начисто — 1. В окончательном виде, чисто, набело. 2. То же, что начистоту. 3. Совсем, решительно.

Начистоту — откровенно, совершенно искренне.

Напрочно — прочно, крепко. Приделать напрочно.

Напрочь — совсем, окончательно. Отрубить, оторвать напрочь.

Наглухо — совершенно плотно, не оставив щели.

Намертво — наглухо, так, что нельзя разобрать на части.

Об употреблении наречия «где-то»

Наречие «где-то» указывает на неопределенное место события. И в таком значении оно употреблялось в прошлом и употребляется в настоящее время. Его широко распространившееся использование в значении «приблизительно» является нежелательным. На это указывает и «Словарь русского языка» С. И. Ожегова: «Не рекомендуется употреблять в значении «приблизительно» или «как-то»: Приду где-то около восьми; Где-то по-человечески мне его жаль». Однако в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1994) последнее значение узаконивается и подается как второе значение слова «где-то»: Приблизительно, как-то, в чем-то (прост.). Приду где-то около восьми. Возможно я где-то неправ. Где-то по-человечески мне его жаль.

Употребление наречия «где-то» во втором значении считаем некорректным: Необходимы деньги на переезд где-то около 8 тысяч (Коме. пр.). В этом предложении «где-то» неуместно, поскольку предлог «около» уже указывает на приблизительность.

В значении «приблизительно» ошибочно употребляется и местоимение «что-то»: Глаза и уши дядьки журавля служили нам **что-то** с полгода.

Об употреблении выражения «более или менее»

Выражение «Более или менее» употребляется в значении «до известной степени»: Помимо более или менее примелькавшихся единорогов обнаружите и совсем уж экзотических тварей: Речь идет только о пилотах и техниках, подписавших более или менее легальные контракты.

Это устойчивое сочетание подверглось сокращению (изъят союз «или»), в результате чего появилось новое сочетание «более-мнее», которое в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой имеет помету «неправильно». Однако оно продолжает появляться на страницах газет: На более-мнее сухом участке выкапывается траншея: С читателями наших книг все более-мнее ясно.

Об употреблении частицы «бы»

Частица «бы» («б») вместе с глаголами прошедшего времени составляет условное (сослагательное) наклонение и употребляется как после глаголов, так и после других частей речи, когда это требуется структурой предложения: Профессиональный пилот сообщил мне, что

горючего на самолете около 40 тонн. И при взрыве оно *бы*, может быть и не *сдетонировало*, но пожар в салоне обязательно *бы. начался*. А затем он стремительно *добрался бы* и до баков. «Крылья *полетели бы* в стороны. Учитывая, что во Внуково самолеты стоят тесно, катастрофа *была бы* неминуема. Вполне возможно, что *качалась бы* цепная реакция», — пессимистически закончил летчик (Лит. газ.).

Пропуск частицы «бы» делает предложение дефектным: «Если бы удалось избежать жертв, создавшаяся обстановка не изменила (...) своей политической сути (Комм.); Андрея уже не было бы в живых, а его сердце, печень и почки пошли... кому-то «на запчасти» («Недвижимость Ростова»).

Но и излишнее употребление «бы» не делает предложение стилистически безукоризненным: А если бы таких лекарств не было бы? (Зин.).

О союзах «потому что», «потому как», «потому чтобы»

Вместо общеупотребительного союза «потому что» используется просторечный союз «потому как», возникший в результате объединения (контаминации) союза «потому что» с союзом «так как»: Точное знание координат в России является государственной тайной, потому как именно такие данные используются при программировании (Веч. Рост.). А в результате объединения союза «потому что» с союзом «для того чтобы» возник союз «потому чтобы»: Такое решение было принято судьями в интересах Формэна потому, чтобы заставить его уйти из бокса.

И «потому как» и «потому чтобы» являются незаконнорожденными союзами и не рекомендуются к употреблению.

О выделительных числительных

Школьные грамматики отмечают, что в русском языке функционируют три вида числительных: количественные (один, два, двенадцать, сто двадцать три), порядковые (первый, второй, двенадцатый, сто двадцать третий) и собирательные (двое, трое, четверо, семеро). В языке же используется еще одна группа числительных — числительные *выделительные*. Они употребляются в тех случаях, когда бывает необходимо выделить из общего какую-то часть этого общего. Например: «Перед воротами собралась толпа: *одни* что-то кричали, *другие* размахивали флажками, *третьи* стояли молча; Два господина сидели в небрежно убранной квартире в Петербурге... *Одному* было около тридцати пяти, а *другому* около сорока пяти лет» (И. А. Гончаров, Обрыв); «Комната имела два окна: одно выходило на улицу, *другое* — в узенький проулок» (А. Гайдар, Школа); «Основных вариантов структуры правительства — *два. Один* — революционный, *другой* — нет».

Этот разряд числительных составлен путем заимствования: слово «один» взято из разряда количественных числительных, слово «другой» — из класса прилагательных, а третий и последующие — из разряда порядковых числительных.

Помня об этом, не следует в выделительных числительных заменять слово «другой»

словом «второй» как это часто делается на страницах печати: «*Одного* из братьев звали Томашем, *второго* — Андреашем, а третьего — предположительно Баландом»: «Речь идет прежде всего о двух законах: *один* — о порядке отзыва депутатов, *второй* — о местном самоуправлении» (Изв.-юг); «Это были 15-20-минутные фильмы — один о семействе Филипповых, *второй* — о семействе Катуар, третий — о Зиминых». Реже заменяется слово «один» порядковым числительным «первый»: «История знает несколько путей ликвидации пиратских республик. *Первый* путь может быть назван «вариант Помпея». *Другой* путь может быть назван «вариант Моргана».

Выделительные числительные только выделяют, тогда как порядковые числительные указывают на порядок следования.

«Вика и Валя работали в разных бригадах. Первая — в малярном цехе, вторая — в химической лаборатории» (здесь «первая» относится к Вике, а «вторая» — к Вале). «У Вали две беды. Первая — горе от ума, вторая — отсутствие внутренней культуры». Здесь важность бед определяется порядком их следования. Основная беда — это горе от ума, на втором месте находится отсутствие внутренней культуры. Замена порядковых числительных («первая», «вторая») выделительными («одна», «другая») не позволяет установить, какая из них важнее.

Оба разряда числительных могут быть использованы в одном тексте. Выделяемые объекты конкретизируются: *Один* офицер служит в городской военной конторе. *Другой* — в закрытом обособленном гарнизоне. У *первого* квартира в городе. У *второго*, «строевика», служебная квартира в глухомани. У *первого* никаких проблем после выхода на пенсию. У *второго* — все те же проблемы.

Особенностью выделительных числительных является, во-первых, возможность не пользоваться словом «один», опуская его при существительном: «В этих условиях магаданцы жили день, *другой*, неделю»: «В небольшом кабинете Шифрина на стене поверх крышки рояля портреты Баха, Бетховена, фотография Шостаковича. На *другой* стене репродукция картины Модильяни».

Во-вторых, возможен пропуск выделяемого предмета: Вытащили *одного*, *другого*: На бутылках две разные этикетки — *одна* с портретом принца Уэльского, *другая* — с изображением принцессы Дианы: Ну, как обойтись без Петра Первого? — говорили *одни*. А без Екатерины и Суворова? — удивлялись *другие*. Петр Столыпин без сомнения, — настаивали *третьи*: *Одна* газета написала одно, *другая* — *другое*, *третья* — *третье*.

Ошибки в употреблении имен числительных

◆ При количественных числительных слово «человек» употребляется в форме единственного числа: три человека, сто двадцать человек, три миллиона человек; «Из машины выскочило около 40 человек»: «Несколько тысяч человек приняло участие в крестном ходе».

◆ При именах существительных, имеющих количественное значение, употребляется форма *людей*: десятки людей, сотни и тысячи людей. Эта же форма употребляется при словах со сходным значением: группа, толпа, масса, кучка, уйма, тьма и других.

Будет неграмматичным употребление при таких существительных слова «человек»: «Два десятка человек ходили друг к другу»: «Он и еще десятки человек видели...» (Мегаполис-экспресс); «Там погибло трое и были ранены более десятка человек»: «Крушение банков поставило сотни тысяч человек на грань выживания».

◆ Нежелательно употребление слов **человек, люди** с собирательными числительными: «В семье четверо человек»: «Сюда поставили двоих найденных в обломках людей»: «Вдруг появились еще трое людей», «Погибли трое человек».

◆ Возникают трудности и в тех случаях, когда числительные употребляются с существительными в косвенных падежах: «38 человекам помогут»: «Операция при пересадке шести людям сердца»: «Каждый экземпляр бестселлера такого рода бывает прочитан восемью людьми»: «Помочь нескольким людям жить немного лучше»: «Долг исчисляется десятками человек, укрываемых Москвой».

Неудобство заключается в том, что слово человек не имеет форм множественного числа (человеков, человекам, человеками, о человеках). Чтобы избежать подобных сочетаний, необходимо произвести стилистическую правку: заменить слова «человек», «люди» другими, не искажающими содержание текста. Например: нескольким товарищам, 38 жильцам, с шестью пациентами, с десятком читателей, с десятком лиц, нескольким гражданам.

Наречия с количественным значением (много, несколько, немало и др.) в сочетании с существительными в предложении согласуются со сказуемым, имеющим форму среднего рода: «Много ваших сотрудников занималось поиском?». Поэтому ошибочны сочетания: «В лесу остались множество березок, вырванных с корнем» (Газ. Дона); «Затоплены множество домов в графстве Девон»: «Несколько человек решились на голодовку»; «В Марксе живут немало людей с фамилией Энгельс» (Изв.-Юг); «Почти половина кубанских школьников употребляют наркотики» (Изв.-Юг).

В газете «Правда» однажды появилось сообщение о том, что «Климук выполнил второй космический полет продолжительностью 63 суток». Как произнести сочетание числительного «63» с именем существительным «суток»? Шестидесят трое суток? Но количественное числительное не сочетается с собирательным. Шестидесят и три сутки? Тоже нельзя. Шестидесят пять суток без двух? Это уже смешно! Чтобы не попасть в смешное положение, автор текста решил вместо слов использовать цифры, надеясь на то, что читатель не будет произносить (ни вслух, ни мысленно) это сочетание числительного с существительным, а воспримет его только зрительно.

Трудность в произнесении подобных сочетаний вызвана тем, что слово «сутки» не имеет формы единственного числа, необходимой для сочетания с числительными 22, 23, 24, 32, 33, 34, 182, 183, 184 и т. д., но легко соединяется с числительными одни, двое, трое, четверо, пять, десять, одиннадцать, двенадцать, двадцать одни, тридцать одни и т. д.: одни сутки, двое суток, пять суток, двадцать суток, двадцать одни сутки, тридцать одни сутки, тридцать пять суток и т. д.

Как же быть с 63 (шестидесятью тремя) сутками? Чтобы устранить неудобство,

необходимо отказаться от употребления того числительного в форме именительного падежа и использовать другой падеж: Климук выполнил полет в течение (чего? — родит, пад.) шестидесяти трех суток.

Другой способ исправления состоит в замене слова «сутки» словом «день», если это не влияет на научную точность изложения: «продолжительностью 63 дня».

Вопрос о том, какое число (единственное или множественное) должно иметь сказуемое в сочетании с количественным числительным, до сих пор не имеет твердого ответа. Поэтому и в печати замечается разнობой: Здесь захотят побывать около 1 миллиона человек. 87 процентов акций принадлежат городу: Лишь 29 процентов считают, что...:

Положительно ответили 37 процентов опрошенных: В Аргентине из карманов жертв в карманы палачей перекочевало свыше 70 миллионов долларов: На имя президента направлено десятки обращений.

В печати доминирует употребление сказуемого в форме множ. числа. На такое употребление по-видимому влияет крупная цифра в составе имени числительного, указывающая на большое количество, множество чего-либо и этим определяется употребление сказуемого во множественном числе.

Составное числительное, оканчивающееся на цифру «1» сочетается с исчисляемым существительным, имеющим форму именительного падежа единств, числа мужского, женского или среднего рода:

Триста сорок один рубль Триста сорок одно село Триста сорок одна книга Те же числительные, оканчивающиеся двойкой, тройкой или четверкой, сочетаются с существительными в форме родит. падежа единств, числа:

342, 343, 344 рубля 342, 343, 344 села

342, 343, 344 книги Начиная с цифры «5» и далее требуется использовать существительные в форме родительного падежа множественного числа:

345, 350 рублей 345, 350 сел 345, 350 книг

Отступление от этого правила приводит к грубым ошибкам. Например: Он возвратил остатки неизрасходованных средств... в сумме 23. 137. 273 рублей.

Слово «человек» в сочетании с количественными числительными должно было бы склоняться так:

И. *Двадцать восемь человек* Р. *Двадцати восьми человек* Д. *Двадцати восьми человекам* В. *Двадцать восемь человек* Т. *Двадцатью восемью человеками* П. *О двадцати восьми человеках* Однако известно, что слово «человек» в современном русском литературном языке не имеет форм множественного числа. Следовательно, дательный, творительный и предложный падежи требуют замены.

В значении множественного числа употребляется слово «люди».

В парадигме это выглядит так:

И. *Двадцать восемь людей* Р. *Двадцати восьми людей* Д. *Двадцати восьми людям* В.

Двадцать восемь людей Т. *Двадцатью восемью людьми* П. *О двадцати восьми людях* Ни одно из этих сочетаний с составными числительными не отвечает требованиям языковой нормы и не должно иметь места в речевой практике. И все же такие сочетания часто встречаются на страницах современной прессы.

Слово «люди» сочетается не с количественными числительными, а с существительными и наречиями, обозначающими какое-то количество: тьма людей, группа людей, мало людей и т. д. Это положение нарушается, и в результате появляются такие сочетания: «Записки были найдены у двух разных людей», «Я рассказал о случившемся нескольким людям» (Лимонов);

«Выступал Андроников в комнате перед двумя-тремя — много десятью людьми» (Л. Чуковская).

Сочетание слов «человек» и «люди» с количественными числительными в дательном, творительном и предложном падежах «режет ухо», считается неблагозвучным и исключается из употребления. Поэтому «неудачными» являются предложения: Каждый экземпляр бестселлера такого рода бывает прочитан восемью людьми: 38 человекам помогут.

По этой же причине неприемлемы предложения «Я рассказал о случившемся нескольким людям» (Лимонов); «Помоги нескольким людям жить немного лучше»: «Операция по пересадке шести людям сердца».

Сочетание количественного числительного, начиная с двух, со словом «человек» употребляется только в именительном, родительном и винительном падежах: И., В.: семь человек, Р. — семи человек. Остальные формы (Д. семи человекам, Т. семью человеками, П. о семи человеках) не употребляются из-за отсутствия у слова «человек» форм множ. числа.

Движение подводной лодки предполагается вручную двумя человеками при помощи зубчатых колес (Неделя).

Включение в середину количественно-именного сочетания со словом «человек» имени прилагательного делает сочетание неграмматичным. Ср.: «10 человек» и «10 больных человек». «Они в развалинах обнаружили тридцать живых человек» (РТР).

Замена слова «человек» на слово «люди» невозможна потому, что форма «люди» употребляется не с количественными числительными, а с именами существительными, имеющими количественное значение: «Дюжина живых людей».

Слова десятки, сотни, тысячи, миллионы являются именами существительными с количественным значением и поэтому они сочетаются со словом «людей», а не со словом «человек», тогда как в предложении «Десять с половиной тысяч людей» требовалось употребить слово «человек» в силу того, что оно употребляется с именами числительными, а не с существительными с количественным значением.

Предложение «У нас два парня служат» в языковом отношении не вызывает возражений, тогда как предложение «У нас два парнишки служат» настораживает. Дело в том, что имена существительные, обозначающие лиц мужского пола, но оканчивающиеся на -а, склоняются как существительные женского рода на -а и в родительном падеже имеют окончание -и: две девушки.

Существительные же мужского рода такого окончания в родительном падеже не имеют. В таких случаях лучше использовать собирательное числительное двое: Двое парнишек. Что касается остальных падежей, то они не затрудняют: двух парнишек, двум парнишкам.

В устойчивых сочетаниях типа «молодой человек» при количественных числительных, оканчивающихся на 1, 2, 3, 4 слово «человек» сохраняется. Начиная с цифры «5» происходит мена слова «человек» на «люди»: 5 молодых людей, 20 молодых людей и т. д.: Только за один месяц туда обратились около 800 молодых людей.

Собирательные числительные оба, двое, трое и др. не сочетаются со словами «человек», «люди». Поэтому ошибочно их употребление в предложениях: Разбился самолет Як-52. Оба человека, находившихся на борту, погибли.; Так говорят те двое людей, пожилой мужчина и пожилая женщина: Четверо человек погибли: Сюда доставили двоих людей.

Избежать подобных сочетаний нетрудно. Достаточно заменить абстрактные слова «человек», «люди» конкретными названиями лиц: двое мужчин, четверо врачей, трое портных, семеро смелых, пятеро пьяных и т. д.

По традиции с собирательными числительными не сочетаются названия женщин. Поэтому не рекомендуется сочетать: *трое портних, двое женщин* (но: обе женщины), *пятеро старух* и т. д.

В текстах с именами числительными допускаются нестандартные ошибки. Ознакомьтесь с некоторыми такими ошибками, исправьте их. Свои исправления сравните с приводимыми в «Ключе».

1. От взрыва в автобусе погибли около 9 человек.
2. Государственная дума при отсутствии большей половины депутатов сумела преодолеть вето президента на Земельный кодекс.
3. Почти ни один их текст не обходился без запретных слов.
4. Эти предложения снижают налоговую нагрузку на малый бизнес в два и более раз.
5. Для нормального состояния общества нужно, чтобы в каждой семье было 2,2 ребенка.
6. В Пакистане треть всех мест в руководящих органах зарегистрировано для женщин.

Ключ

1. Обычно говорят «Около 10 человек, т. е. или меньше или больше десятка, сотни, тысячи.
2. Одна половина не бывает больше другой. Они равны. Вероятно, имелось в виду сказать: «Больше половины депутатов ».
3. В этом тексте необходимо изъять или слово «почти» (ни один их текст не обходится...), или «ни один» (их текст почти не обходится).
4. Здесь отсутствует согласование числительного «2» со словом «раз». После перестановки: «В два раза и более».
5. Возможно исправление: «2-3 ребенка».
6. Треть — это существительное с количественным значением. Оно не среднего, а

женского рода.

Об употреблении слов с количественным значением

Слова «ряд» (муж. род), «множество» (средн. род), «часть» (жен. род), «четверть», «половина», «треть» (жен. род), «доля» «масса» (жен. род), также требуют согласования со сказуемым в роде и числе: Ряд исследователей считает, что... (Энци.). Из ста рублей половина уже потрачена; В октябре почти треть российских граждан оказалась за чертой бедности: Часть общества не переставала развиваться (Добролюбов); Множество планов побега было отвергнуто (Пушкин); Группа водителей написала в газету.

Количественные числительные (за исключением *один, одна, одно, одни*) не имеют ни формы единственного, ни формы множественного числа. Поэтому они могут соединяться как со сказуемыми, имеющими форму единственного числа, так и со сказуемыми в форме множественного числа: В Иране было закрыто 25 газет и журналов. Ранено более 13 тысяч военнослужащих: Из-под обломков извлекли 30 человек. Одиннадцать из них погибло. Требуется более 3 тонн янтаря. Около ста человек все же собралось в центре города. На поле вышли 300 спортсменов.

Наречия со значением количества (сколько, несколько, мало, немало, множество, много) также могут сочетаться со сказуемым в форме как единственного, так и множественного числа: Сколько десантников погибло. Сколько чеченцев воюют сейчас против правительственных войск. Ребятишек сопровождают несколько матерей. Существует несколько версий причины пожара: Много дагестанцев сегодня воюют в Чечне: Кстати, немало преподавателей госуниверситета работают во властных структурах.

Выбор единственного или множественного числа сказуемого зависит от желания автора. Если он намеревается обратить внимание читателя на то, что речь идет о большом количестве, то он использует форму множественного числа сказуемого. «В центре Грозного собрались несколько тысяч человек». Но этой стилистической особенностью подобных сочетаний пользуются не все авторы. В предложении «Убиты еще несколько солдат» (Жириновский) подчеркивается, что убито всего лишь несколько солдат, поэтому сказуемое следовало употребить в форме единственного числа — «убито», а не «убиты».

Не рекомендуется употреблять сочетание «несколько сот» в таких предложениях, как **Выполнено несколько сот тысяч операций**. Ведь формы *сот* со значением *сто* нет в парадигме склонения числительного «сто». Ср.: Им. сто, род. ста, дат. ста, вин. сто, твор. ста, предл. о ста... Оно представляет собой вторую часть сложных числительных в форме родит. падежа: трехсот, шестисот, и самостоятельно не употребляется, но может быть заменено существительным «сотня» в родительном падеже: несколько сотен.

Существительное «большинство» не имеет форм множественного числа. Будучи подлежащим, оно согласуется со сказуемым в роде и числе: **Конечно, большинство из них с самого начала понимало: Большинство драгоценных камней принадлежит к разряду**

исторических: К этой группе относится большинство импортируемых вод: Большинство россиян считает, что... Однако это правило систематически нарушается:

- ◆ Большинство людей из такой сферы экономики бегут.
- ◆ Большинство выпускников философского факультета идут не в библиотеку.
- ◆ Большинство обозревателей сходятся во мнении...
- ◆ Большинство пришли в эти стены не из любви к Богу.
- ◆ Большинство из них даже уверены, что их разговоры перехватить невозможно.
- ◆ Большинство пациентов возвращаются в свой прежний размер.
- ◆ Большинство стран готовы подписать конвенцию.

Существительное «большинство» содержит в себе представление о множестве, о большом количестве того, с чем оно связано. Этим и объясняется ошибочное употребление сказуемого в форме множественного числа: *«Большинство американцев после рабочего дня сидят перед телевизорами»: Большинство экспертов убеждены. Однако и в тех случаях, когда в предложении отсутствуют управляемые слова («американцев», «экспертов») сказуемое все же часто употребляется в форме множественного числа: У легионеров отсутствовало желание пронзить мечом противника. Большинство били мечом плашмя. Большинство сразу занимают очередь: Абсолютное большинство рассуждают точно так же.*

О предложно-падежных сочетаниях

Не следует разрывать предложно-падежное сочетание путем включения в него таких наречных слов, как *почти, еще* и других. Их место перед предлогом. Ср.: Это второй случай за неделю — «Это второй случай *почти* за неделю», но не «*за почти* неделю».

Причастный оборот

Причастие — такая глагольно-именная форма, которая обозначает действие. Как и глагол, оно бывает действительного и страдательного залога, настоящего и прошедшего времени, несовершенного и совершенного вида. Например:

Читать: читающий (наст, вр., несов. вид, действит. залог) читавший (прош. вр., несов. вид, действит. залог) читаемый (наст, вр., несов. вид, страдат. залог) читанный (прош. вр., несов. вид, страд, залог)

Прочитать: прочитавший (прош. вр., соверш. вид, действ, залог)

прочитанный (прош. вр., соверш. вид, страд, залог)

При конструировании предложения с причастным оборотом автор должен учитывать соотношенность времен: говоря о прошлом необходимо употребить причастие прошедшего времени, а не настоящего. В противном случае возникает несуразность, как в следующем предложении: «Подобными концепциями императора, правящего в Риме с 161 по 180 год, нынешние отцы Вечного города пытаются оправдать собственную неактивность». Исправить предложение можно путем замены причастия настоящего времени «*правящего*» причастием

прошедшего времени «правившего», так как речь идет о далеком прошлом, а не о моменте речи.

Действительные причастия образуются и от возвратных глаголов, т. е. от глаголов с частицей (постфиксом) **-ся**:

купать — купаться — купающийся — купавшийся

искупать — искупаться (...) — искупавшийся

нести — нестись — несущийся — несшийся пронести — пронестись (...) — пронесшийся

Приближалась весна, уже улыбавшаяся издали и обещающая тысячу радостей (Чех.); Он не любил фотографироваться (Б. Горб.).

Устранение частицы **-ся** либо делает причастие дефектным (улыбавшая-), либо меняет его форму и значение (фотографировать-).

«Незаконные» причастия

1. Нарушением установившихся в русском языке правил следует считать образование условного (сослагательного) наклонения глагола не от формы прошедшего времени (пожелал бы, ушли б), а от причастия прошедшего времени: Есть ли в Советском Союзе студент, пожелавший бы провести один год учебы в норвежском колледже?

2. Действительные причастия с суффиксами **-ащ**, **-ящ**, **-ущ**, **-ющ** (несущий, носящий) образуются только от глаголов несовершенного вида.

В современном русском языке причастия будущего времени не образуются. Изредка они могли употребляться в XIX веке: «Буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не предъявляющий никаких свидетельств и паспортов, то задержать его немедленно» (Гог.).

В современных публикациях они могут быть обнаружены у авторов, недостаточно владеющих русской грамотой.

Деепричастный оборот

Авторы статей часто ошибаются, конструируя предложения с деепричастным оборотом. Они забывают о том, что существует правило, согласно которому подлежащее, обозначающее лицо, совершает действие, обозначаемое сказуемым, и действие, обозначаемое деепричастием.

Рассмотрим широко известную запись в рассказе А. П. Чехова «Жалобная книга»: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа». Здесь подлежащим является «шляпа». Она «совершает действие», обозначаемое сказуемым «слетела» и деепричастиями «подъезжая» и «глядя». Правило соблюдено. А результат? В результате читатель смеется, чего и добивался автор, высмеивая безграмотную запись в жалобной книге.

Исправить это предложение можно так: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, я уронил шляпу». Или так: «Когда я подъезжал к сией станции и глядел на природу в окно, у меня слетела шляпа».

Забывая школьные правила образования деепричастий совершенного и несовершенного видов, некоторые авторы смешивают суффикс **-в** (**-вши**) с суффиксом **-я**, в результате чего

порождаются такие тексты:

1. Восторженно **привествовав** Октябрьскую революцию... Каменский нечетко представлял ее истинные цели.

2. Бомбовый удар по Багдаду готовился в течение нескольких часов, **опробуя** различные типы самолетов.

3. **Продляя**, срок службы техники, прибор до минимума сокращает производственный шум.

4. Он предъявил, **доказуя**, ломоть «вешенского» хлеба.

От глагола «приветствовать» и «поприветствовать» образуются деепричастия **приветствуя** и **попривествовав**; от «опробовать» и «пробовать» — **опробовав** и **пробуя**, от «продлить» и «продлевать» — **продлив** и **продлевая**, а от «доказать» и «доказывать» — **доказав** и **доказывая**.

Другой вид ошибок, связанных с употреблением деепричастий, заключается в несоответствии видов сказуемого и деепричастия. Они должны иметь один и тот же вид: либо совершенный, либо несовершенный. Нарушение этого правила приводит к ошибке: **Подъезжая к реке, мы остановили лошадей**. В этом предложении деепричастие «подъезжая» — несовершенного вида, тогда как глагольное сказуемое («остановили») — совершенного. Остановить лошадей они могли только тогда, когда уже подъехали: Подъехав к реке, мы остановили лошадей. Исправить предложение можно и так: Подъезжая к реке, мы несколько раз останавливали лошадей.

А вот предложение с деепричастиями из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина:

Зима... Крестьянин торжествуя На дровнях обновляет путь;

Его лошадка, снег почуя,

Плетется рысью как-нибудь.

Или

Вот бежит дворовый мальчик,

В салазки жучку посадив,

Себя в коня преобразив...

В этих отрывках подлежащие (крестьянин, лошадка, мальчик) совершают действия, обозначенные сказуемыми (обновляет, плетется, бежит) и деепричастиями (торжествуя, почуя, посадив, преобразив). Чеховская же **шляпа** не могла совершить действия, заключенные в деепричастиях **подъезжая** и **глядя**.

х слов, называющих человека

Понятие о стразах

Австрийский ювелир по фамилии **Страз** (*Strass*) в конце XVIII или начале XIX в. догадался добавить к жидкому стеклу немного свинца. В результате он получил блестящие камешки, которые после обработки стали сверкать, как бриллианты. Он решил изготавливать из них различные украшения и продавать, конечно, не по цене настоящих бриллиантов, а значительно дешевле. Так появились поддельные, искусственные бриллианты, которые были

названы *стразами* в честь их творца.

Стразы используют и в настоящее время:

В магазинах вы встретите блузки с немислимыми буфами, юбки цыганских фасонов и туфли, усыпанные стразами (Веч. Ростов. — 2001. — 22 мая).

Однако слово *страз* используется не только в «ювелирном» смысле, но и для качественной оценки тех или иных явлений. Так, в первом номере журнала «Отечественные записки» за 1841 г. была опубликована статья В. Г. Белинского «Русская литература в 1840 году». В ней критик рассматривает произведения русских и иностранных писателей. Оценивая их творчество, он замечает:

Если мы взглянем попристальнее на современную литературу, то в небольшом количестве ее *страз* и большом количестве булыжников найдем несколько и бриллиантов.

Какого рода произведения имел в виду В. Г. Белинский, относя их к *булыжникам* и *бриллиантам*, сомнений не вызывает. А как быть со *стразами*? Вероятнее всего, это произведения с претензией на высокую оценку, но не достойные ее из-за каких-либо недочетов, изъянов.

Слово *страз* применимо и в тех случаях, когда речь идет о языковых недостатках, встречающихся как в произведениях известных писателей и поэтов (даже классиков!), так и в периодической печати, где иногда публикуются тексты с различного рода ошибками (фактическими, логическими, лексическими, грамматическими и другими).

Обратимся к примерам. В поэме М. Ю. Лермонтова «Демон» встречаем:

И Терек, прыгая, как львица
С лохматой гривой на хребте,
Ревел...

Поэт, вероятно, не знал о том, что у львиц нет гривы ни на шее, ни на хребте. И это незнание привело к рождению досадного страза: внешне все превосходно, а если вникнуть в смысл этих строк, то обнаружится изъян — страз.

Тот, кто никогда не видел зебру и хочет узнать, какого она цвета, обращается к энциклопедии или к словарю. Открыв «Словарь русского языка» в 4-х томах, читаем: «Зебра. Дикая африканская лошадь, *имеющая полосатую окраску*». Такое определение цвета зебры — явный страз, допущенный составителями словаря. Любопытный читатель, так ничего и не узнавший о цвете зебры, обращается к другому источнику — «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «Дикая африканская полосатая (*черная со светло-желтым*) лошадь». Определение витиеватое, но зато с указанием цвета. Ищущий нашел искомое.

В одном из своих стихотворений В. В. Маяковский признался, что если бы он был даже негром преклонных годов, то русский (язык) выучил бы «только за то, что им разговаривал Ленин». Сочетание *разговаривать русским языком* — это страз.

Если у названия стихотворения (заглавия) имеется *жерло* (переднее отверстие канала орудия), то что должны означать слова поэта: «К жерлу прижав жерло зияющих заглавий»? Кажется, ничего. Это страз.

Авторы статьи, опубликованной в «Известиях» (2000. — 5 апр.), рассказывают о событиях в Чечне:

Первый звонок прозвенел 29 февраля... Ожидали нападения боевиков... Но в ночь на 30-е выпал снег...

Спустя полтора месяца «Известия» обратили внимание на нелепость и откликнулись так:

Нельзя не отметить уважаемых авторов, продолживших славное дело барона Мюнхгаузена... авторы решили подарить россиянам 30 февраля. Как говорится, и на этом спасибо. (Известия. — 2000. — 19 мая).

Значит ли это, что газета непричастна к появлению на ее страницах такого страза?

Замечательная певица Л. Зыкина поет:

Издалека долго

Течет река Волга... (Слова Л. Ошанина, музыка М. Фрадкина).

Слушатели, очарованные голосом Людмилы Зыкиной, не замечают страза, допущенного создателями песни, которые не вникли в значение наречия *долго* и использовали его только для того, чтобы слово *Волга* получило хорошую рифму. Слово *долгий*, от которого образовано наречие *долго*, имеет значение «продолжительный, длящийся в течение значительного времени». Но о Волге нельзя сказать, что она течет *долгое время*. Она течет и будет течь вечно, без ограничения во времени.

Пособия по культуре речи настойчиво говорят о том, что нельзя *тост поднять*, *тост* можно *произнести*, а *поднять* — *бокал*. И тем не менее, с упорством, «достойным лучшего применения», и говорят, и пишут:

Мне хотелось бы *поднять тост* за то, чтобы все открытия которые делают наши ученые, были нужны здесь, в России, а не перекупались Западом.

Ср.:

За новогодним столом я хочу *произнести* простой русский *тост*: «За здоровье и счастье!» (АиФ. — 2000. — № 52).

Поднять тост так же нелогично, невозможно, как и *произнести бокал*. Надеюсь, что читатель, ознакомившись с этим стразом, не станет в шутку провозглашать на банкете: «Я хочу произнести бокал за здоровье!..» В противном случае, это выражение может попасть в толковые словари. Ведь отмечают же *поднять тост* ССРЛЯ и «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. В других словарях, в том числе и в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1964), такое сочетание отсутствует. А вот в газетах оно присутствует:

Сразу же после награждения *подняли* свой *тост* ветераны подразделения. (Известия. — 1997. — 27 ноября); Бунин, находясь за рубежом, *поднимал* на застольях *тост* за возвращение буквы «ять» (Ростов официальный. — 2000. — 6 дек.).

У популярного в свое время «Марша танкистов» (слова Б. Ласкина, музыка Дан. и Дм. Покрассов) припев начинается словами:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,

Пойдут машины в яростный поход...

Звучит, конечно, красиво. Но красота эта искусственная, стразовая. Дело в том, что ни в одной стране танки не «сверкают блеском стали», потому что они окрашены в защитный цвет. Если они будут «сверкать блеском», то от них останется дымящаяся груда металла.

В третьем куплете «Марша танкистов» имеются такие строки:

Пусть знает враг итог борьбы великой:

Народ-герой никем непобедим!

Сочетание **никем непобедим** тоже является стразом, поскольку местоимение **никем** не может сочетаться с прилагательным, если это действительно краткое прилагательное с отрицательной приставкой **не**. Если же в случае **непобедим** мы встречаемся с ошибочным написанием отрицательной частицы **не** с кратким страдательным причастием (**не победим**), то и этот вариант не может быть принят, потому что от глагола **победить** (сов. вид) нельзя образовать страдательное причастие настоящего времени: «никем не победим».

В лирической песне «Прощание» (слова М. Исаковского, муз. Дм. Покрасса) комсомолец просит подругу, чтобы она что-нибудь пожелала на прощанье ему, уходящему на фронт. Девушка говорит:

Я желаю всей душой —

Если смерти, то мгновенной,

Если раны — небольшой.

Эти строчки следует понимать только так: «Если я желаю тебе смерти — то мгновенной. Если я желаю тебе раны — то небольшой». Девушка, конечно, не хотела так сказать. Она, вероятно, должна была бы сказать иначе: «Если тебе суждено будет умереть, то пусть смерть твоя будет мгновенной, если же ты будешь ранен, то пусть рана будет небольшой». В стихотворении же вышло не совсем корректно.

Налаживать и улаживать — паронимы. Они не взаимозаменяемы. Но вот в официальном тексте читаем:

Мы просим все прогрессивные организации, которые прилагают большие усилия *по налаживанию конфликтов*... своевременно направить в Грузию наблюдателей. (Известия. — 2000. — 29 окт.).

Наладить конфликт значит организовать, укрепить его. Страз возник из-за смешения однокоренных паронимов. **Конфликт** можно только **уладить** (а **наладить** — **контакты**).

Нельзя, разрушив устойчивое словосочетание (фразеологизм), не нарушить его смысла. Существует выражение **ни гроша ломаного** и нет выражения **ни копейки ломаной**; ср., однако:

Никто даже копейки ломаной не дал. (Известия. — 1998. — 17 июня).

Такая замена не считается «обновлением фразеологизма». Это страз.

Во время набухания почек их нужно удалять немедленно и сжигать. *Зачем? Да потому*, что эти вредители переселяются на другие растения. (Веч. Ростов. — 2001. — 14 февр.).

Автор задает риторический вопрос **зачем?** (т. е. **с какой целью?**), а отвечает на вопрос **почему?** (т. е. **по какой причине?**). Это уже страз.

ЛИТЕРАТУРНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

Общее понятие о редактировании и его задачах

Каждая книга проходит стадию редактирования. Редактор всегда критически подходит к тексту с целью усовершенствовать, улучшить его, устранить все имеющиеся в нем недостатки.

В зависимости от того, в каком виде будет обнародован материал (авторский текст) — в книге, газете, журнале, передан по радио или телевидению, приемы редактирования этого ма-

териала будут различными. Сравним, например, редакторскую работу в газете и в книжном издательстве. Если в последнем производственный процесс достаточно долог, и редактор имеет возможность вернуться к материалу, внести в него дополнительные изменения, то сотрудник газеты лишен этой возможности. В практике газеты близость к событию и читателю, оперативное освещение событий и техника работы придают редактированию особый характер.

Редактор издательства должен знать весь сложный процесс превращения рукописи в книгу, основы современной полиграфической техники, экономику книгоиздательского дела, принципы художественно-технического оформления печатных изданий.

Редактор должен быть безукоризненно грамотным, знающим нормы литературного языка своего народа и понимающим тенденции его развития, умеющим использовать все его богатства для того, чтобы помочь автору сделать свое произведение ярким, доступным широкому кругу читателей.

Однако редактор не должен прибегать к правке текста, которая не является необходимой.

Паронимические ошибки

Точность словоупотребления — один из аспектов, о котором не должен забывать литературный работник.

Рассмотрим случаи, когда паронимы смешиваются. Причиной их смешения является не только сходство в звучании, но и недостаточное знание их значения.

Смешиваться могут заимствованные слова, такие, как реалии и регалии, дефектный и дефективный, контингент и континент, факт и фактор, Австрия и Австралия. Возможно смешение русских слов: соседний и соседский, одеть и надеть, жесткий и жестокий, двигатель и движитель, представить и предоставить; могут смешиваться и собственные имена: Белград и Белгород, Днепр и Днестр, Сосюра и Сосюр, Чаплыгин и Чапыгин, Трофимов и Трифионов.

На ошибки в употреблении таких сходнозвучных слов, имеющих разное значение, в свое время обратил внимание

А.М. Горький, который в статье «О пользе грамматики», анализируя произведения молодых писателей, отмечал, что *ступня* бывает у ноги, а *ступень* у лестницы, что *щиколотка* это не то же, что *щеколда*, а *возраст* — не *рост*.

Среди паронимов имеются такие пары (число их невелико), в которых только один из членов может употребляться вместо другого, но не наоборот. Например, белуга (крупная рыба семейства осетровых) в просторечии может употребляться вместо белуха (полярный дельфин), солянка (трава, растущая на засоленных почвах) вместо селянка (кушанье из соленой капусты), довлеть (быть достаточным, удовлетворять) вместо давить (господствовать, тяготеть), атомщик (тот, кто запугивает атомной бомбой) вместо атомник (специалист в области атомной энергии) и др. В результате частого смешения этих слов в речи они стали синонимами.

Основные словари паронимов

Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Словарь-справочник. М., 1968. 180 статей.

Колесников Н. П. Словарь паронимов русского языка. Ростов н/Д, 1994. 1400 гнезд

Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984. Около 1000 пар.

В ряде случаев определенные трудности вызывает употребление топонимов (географических названий). Если литературный редактор не будет регулярно следить за прессой, за изменениями, происходящими в мире, он может попасть в неловкое положение, разыскивая на современной географической карте названия Мьянме и Янгон, являющиеся новыми названиями старых объектов — Бирмы и Рангуна. Учитывая новизну, «Правда» сообщила 6 августа 1989 г.: «18 июня нынешнего года последовал декрет Госсовета: Бирму отныне именовать Союз Мьянма или Мьянма, по большому созвучию с местным произношением, а не английским, как раньше. Тем же декретом предписано Рангун официально называть его старинным бирманским именем Янгон. Вот почему рядом с новым названием необходимо на первых порах указывать и прежнее, как это сделано в газете «Известия»: «Вторую неделю единственным источником информации о внутреннем положении в Мьянме (Бирме) продолжают оставаться передачи правительственного радио из Янгона (Рангуна)» (Изв. 1989. 29 июля).

Морфологические ошибки

В раздел морфологии как грамматического учения о слове входит и словоизменение, которое будет рассмотрено в этой главе. Литературный редактор познакомится здесь с такими типичными ошибками, когда вместо одной формы слова употребляется другая (не тот падеж, не то число, не тот грамматический род), в результате чего возникают сочетания слов, не свойственные русскому языку, и нарушаются известные правила согласования и управления.

1. Глаголы «бояться», «достигнуть», «избежать», «удостоиться» и другие управляют родительным падежом имени существительного и, следовательно, требуют после себя постановки только родительного падежа. Поэтому должны быть исправлены предложения, подобные следующим: «Вскоре вершину пика Ленина достигли 38 советских и китайских спортсменов» (Правда); «Особенно мы боимся эту таинственную женщину, вождя местных пиратов» (Ю. Семенов); «Чтобы избежать возможные неясности, неточности или двусмысленность, применяются разные приемы раскрытия терминов» (Русская речь); «Любимый отрок князя Георгий носил гривну. Удостоился ею за отражение половецкого набега»: «Эта мера продиктована необходимостью избежать грозящее стране кровопролитие» (Правда).

2. Представление о неверных (или устаревших) формах родительного падежа имен существительных могут дать следующие примеры: «Немало копьев будет поломано» (Вестник высшей школы); «В секретариате ООН будут приняты меры по внесению соответствующих корректив в статистические публикации» (Заря Востока); «Спиридонов карающим жестом руки показал на сушилку, где стояло ровно столько тарелок и блюдец, сколько полагалось семье из двух человек, — четыре» (Правда); «От посул он перешел к лести».

От ошибок, допускаемых по незнанию, следует отличать опечатки, допускаемые по невнимательности. В книге Л. Успенского «Почему не иначе» (М., 1967. С. 13) напечатано: «Блин» и «молоть»! Из десяти звуков только один — «Л» — входит в оба слова. Опечатка ли здесь или незнание разницы между звуком и буквой? Автор книги по образованию языковед, следовательно, о

смешении буквы и звука не может быть и речи. Значит, тут допущена опечатка: вместо «десяти» зд. должно быть «девяти».

Роль порядка слов в предложении

На вопрос о том, каков порядок размещения слов в предложении, до сих пор нет однозначного ответа. Мнения ученых разделились. Одни считают, что порядок слов в русском языке свободен и не играет важной грамматической роли. Если это так, то предложения «Мы пригласили сына учителя» и «Мы пригласили учителя сына» должны иметь одно и то же значение. В действительности они не равнозначны. Разные значения будет иметь и предложение «Приди и возьми», если в нем поменять местами глаголы: «Возьми и приди».

Если в предложении «Только у таких хозяев нет собак» переставить некоторые слова, то можно получить следующие предложения, не совпадающие по значению с исходным:

Хозяев нет только у таких собак;

Только у собак нет таких хозяев;

Только у хозяев нет таких собак;

Только нет собак у таких хозяев;

Только нет хозяев у таких собак;

Нет только собак у таких хозяев;

Нет у хозяев только таких собак.

С другой стороны, как ни переставляй слова в предложении «Я вчера вечером пришел домой» (А. М. Пешковский), его содержание останется тем же. Это предложение допускает 120 вариантов размещения своих членов.

Приведенные примеры говорят о том, что порядок слов в русском предложении свободен относительно, т. е. не всегда свободен, но и не всегда закреплен, о чем следует помнить, редактируя текст.

Переставляя слова в предложении, литературный редактор или меняет содержание предложения или выделяет тот или иной оттенок значения. Допустим, в предложении «Редакция систематически получает газеты и журналы» необходимо подчеркнуть, что газеты и журналы получаются регулярно, тогда оно будет перестроено так: «Газеты и журналы редакция получает систематически». Перестановкой в конец предложения слова «редакция» делают акцент именно на нем: «Систематически газеты и журналы получает редакция». Иной оттенок значения появится у предложения «Редакция систематически получает газеты и журналы», в котором выделены (перемещены в конец предложения) слова «газеты и журналы».

То или иное расположение слов в предложении должно быть оправдано целевой установкой автора. Редактор не должен допускать ничем не оправданных перестановок, например, таких, как в предложениях: Число краж, грабежей и разбоев личного имущества граждан возросло (Вечерний Тбилиси); Найденные семена «старше» на 8 тысяч лет тех, что были обнаружены археологами ранее в Сирии (Вечерний Ростов); К родине любовь смерти сильнее (Е. Кононенко).

Такие перестановки, хотя и не влияют на содержание предложения, являются стилистически дефектными.

Сказанное не относится к стихотворным текстам, в которых расстановка слов зависит от таких факторов, как ритм и рифма. Поэтому возможны, хотя и не желательны, такие конструкции, как «Новых восстаний вижу день я» (В. Маяковский); «Ия знаю, есть радость в нем тем, кто листьев целует медь» (С. Есенин).

Синтаксическая омонимия и ее устранение

От омонимии предложения, вызываемой присутствием в нем словесных омонимов, следует отличать омонимию синтаксическую, которая возникает чаще всего в результате неудачного расположения слов в предложении и ошибочной смысловой связи слов.

Большая часть предложений, являющихся синтаксическими омонимами, в слышимой (произносимой) речи не затрудняет ни слушающего, ни говорящего, которые подчас и не подозревают о возможности двоякого толкования услышанной фразы.

Если же перенести сказанное на бумагу, записать услышанное, то, став фактом письменной речи, предложение может приобрести дополнительное значение, не предусмотренное автором.

Как может быть понято следующее предложение, являющееся омонимичным: «На первый взгляд все эти истории с подарками учителям могут показаться частным случаем?»

Если при чтении этого предложения сделать паузу после слов «истории с подарками», то оно будет иметь значение «учителям могут показаться частным случаем все эти истории с подарками». Если же паузу перенести и сделать ее после слова «учителям», то предложение получит другое значение: «могут показаться частным случаем все эти истории с подарками для учителей».

Два значения имеет и предложение «Они сообщают о получении корреспонденции с большим опозданием». Вот эти значения:

1. Они сообщают, что получают корреспонденцию с большим опозданием.
2. Они с большим опозданием сообщают о получении корреспонденции.

Замеченная редактором омонимия должна немедленно устраняться. Основным приемом, позволяющим устранить омонимию, является изменение порядка следования членов предложения. Например, таким способом устраняется омонимия в предложении «В древних документах подобного рода термин отсутствует». В зависимости от того, какую мысль хотел выразить автор, оно должно было бы иметь или такую структуру:

В подобного рода древних документах термин отсутствует (вариант: Термин отсутствует в древних документах подобного рода).

Или такую:

Подобного рода термин в древних документах отсутствует (вариант: В древних документах отсутствует термин подобного рода).

Труднее устранить синтаксическую омонимию в стихотворных текстах. Как быть

редактору, например, со строкой А. С. Пушкина из «Песни о вещем Олеге»:

И вскрикнул внезапно ужаленный князь?

То ли ужаленный князь внезапно вскрикнул, то ли он был внезапно ужален.

Устранение омонимии в стихотворных текстах ведет к ломке ритма и потере рифмы. Чтобы устранить омонимию в стихотворных текстах, необходимо обратиться к самому автору произведения. Что касается классиков, то их тексты являются каноническими и изменениям не подлежат.

Предложение «Правительству следует помочь строить школы» имеет два значения:

1. Правительство должно помочь кому-то строить школы.
2. Кто-то должен помочь правительству строить школы.

Какое из этих значений имел в виду автор, неясно, а простой перестановкой слов омонимию в таких структурах с дательным падежом устранить не удастся. Предложение можно перестроить так: 1. Мы должны помочь правительству строить школы; 2. Правительство должно помочь нам строить школы.

Рассмотрим предложение «Стулья заменили ящики из-под бисквитов». Оно может быть понято двояко: «Стульями заменены ящики из-под бисквитов» и «Стулья заменены ящиками из-под бисквитов». Если учесть, что и те и другие используются для сиденья на них, то оба значения должны быть признаны одинаково возможными.

Что же имел в виду автор текста, когда утверждал, что «стулья заменили ящики из-под бисквитов?» Имел ли он в виду использование стульев вместо ящиков или использование ящиков вместо стульев? Ответ на этот вопрос может дать (но может и не дать) последующий широкий контекст. Вот с какими проблемами приходится сталкиваться редактору при подготовке рукописи к печати. Стоя на страже интересов читателя, он обязан исправлять все то, что хотя бы в незначительной степени затрудняет понимание текста.

Принято считать правилом, что в предложениях типа «Мать любит дочь», «Бытие определяет сознание», «Автобус перегнал троллейбус» и др. на первом месте стоит подлежащее, а на последнем — дополнение. Если это всегда так, то как понять предложения «Ташкент потряс земной толчок»; «Лес изуродовал новый песчаный карьер»; «Паровозы сменили элекровозы»? В этих предложениях подлежащее стоит на втором месте. Значит, не все пишущие придерживаются этого правила. Его соблюдение зависит от тех, кто принимает непосредственное участие в создании печатного текста: от автора, редактора или литсотрудника газеты. Их последовательная и принципиальная борьба за ясность и точность изложения за неукоснительное следование правилам построения предложения исключит возможность появления в печати предложений с теми или иными изъянами.

Приведем еще пример. Двусмысленность заголовка «Выставка проектов памятника В. И. Ленину в Кремле» (Заря Востока) объясняется возможностью его двоякого понимания (в Кремле будет выставка проектов или в Кремле будет установлен памятник?). Через две недели после опубликования заметки под приведенным заголовком, в которой раскрывается его содержание

(памятник В. И. Ленину должен быть установлен на территории Кремля, а проекты демонстрировались в выставочном зале на Манежной площади), в газетах появилось сообщение под новым заголовком: «Осмотр руководителями партии и правительства выставки конкурсных проектов памятника В.И. Ленину для Кремля» (Изв. 1967. 9 мая)

Конструируя этот заголовок, его автор стремился устранить синтаксическую омонимию, заменив предлог «В» предлогом «ДЛЯ». Эта замена привела не только к изменению последующей словесной формы, но и повлияла на содержание предложения в целом. Если в первом варианте предложно-именное сочетание «в Кремле» указывало на место сооружения памятника или на место нахождения выставки, то во втором варианте сочетание «для Кремля» устранило омонимию, но указало на принадлежность памятника Кремлю (это сочетание является не обстоятельством места, а дополнением). Подобное устранение омонимии нельзя считать удовлетворительным, поскольку оно меняет (и значительно меняет!) содержание заголовка. Проводя редакторскую правку подобного рода текстов, необходимо не упускать из виду их содержание, не допускать отклонений от него. Более приемлемым было бы, например, следующее исправление: «Осмотр руководителями партии и правительства выставки конкурсных проектов памятника В.И. Ленину, воздвигаемого в Кремле».

Синтаксическими омонимами являются и некоторые предложения с однородными членами. Определение, находящееся в препозиции относительно однородных членов (перед однородными членами), может определять или первый из однородных членов или одновременно несколько однородных членов. В тех случаях, когда грамматические показатели в определениях и определяемых полностью совпадают, возникает омонимия.

Если в предложении «На танцевальные вечера трудящиеся должны приходить в легкой одежде и обуви» отнести определение «в легкой» только к первому из однородных членов, то предложение будет содержать мысль о том, что на танцы нужно приходить не босиком, а в обуви. Если же отнести определение к обоим однородным членам, например, в предложении «Выполнены обязательства по производству птичьего мяса и молока», то предложение получит значение: «выполнены обязательства не только по производству птичьего мяса, но и по производству птичьего молока». В первом предложении определение следует отнести к обоим определяемым, а во втором — только к первому.

Омонимичность предложений этого типа отчетливо выступает в следующем газетном объявлении, перепечатанном журналом «Крокодил»: «Совхоз «Севастопольский» приглашает на постоянную работу мастера по переработке овощей и одиноких рабочих мужчин и женщин». Журнал снабжает это объявление таким ироническим комментарием: «Спасибо, хоть много семейных не берут в переработку. Не совсем очерствели составители объявления».

Д.И. Ермолович

СЛОВЕСНАЯ МЕХАНИКА

Ответы и советы

От редактора-составителя

Этот раздел составлен из ответов Д.И. Ермоловича на вопросы, заданные читателями его персонального сайта. Эти вопросы охватывают разнообразные лингвистические темы - от практических трудностей перевода до проблем культуры русской речи. Обратная связь с переводчиками, студентами, преподавателями ценна тем, что помогает обратить внимание на те тонкости языка и перевода, которые недостаточно подробно разработаны в учебниках и пособиях. Это даёт возможность обсудить вопрос с широкой аудиторией, а иногда исследовать некоторую неочевидную тему, чтобы сделанными выводами могли воспользоваться коллеги.

Чем руководствоваться в случае спорной транскрипции

В настоящее время издано немало книг - руководств по практической транскрипции имён собственных. Но что делать, если их рекомендации не совпадают? Например, английская фамилия Sloane по одним источникам - *Слон*, по другим - *Слоун*.

В советское время существовали так называемые «нормативные» издания, обязательные для всех редакторов. Например, «Инструкции ГУГК», в большинстве случаев снимающие все вопросы. Какими изданиями должен руководствоваться редактор сегодня при возникновении спорных ситуаций? В частности, по инструкции ГУГК при переводе с английского получается именно «Слон».

Виктор (Краснознаменск)

Вы правы, в советское время существовало немало документов или справочников, имеющих нормативную силу. Правда, сфера действия тех же инструкций ГУГК даже в советское время была ограничена, и они подчас противоречили другим справочникам (например, передача Sloane - *Слон* была бы неприемлема в материалах агентства ТАСС).

Сейчас ситуация ухудшилась из-за того, что отдельные средства массовой информации и организации не считают себя обязанными придерживаться каких-то нормативов либо составляют их себе сами. На государственном уровне вопросы практической транскрипции имён собственных остаются неурегулированными.

Однако имеет место и некоторый процесс саморегулирования. Так, на сайте Национальной лиги переводчиков² можно найти составленный специальной рабочей группой НЛП документ «Письменный перевод. Рекомендации переводчику и заказчику», в котором есть и раздел по передаче имён собственных.

В этих рекомендациях есть ссылка на мою книгу [Ермолович 2005], имеющую рекомендательный гриф методического объединения Министерства образования и науки РФ. Её же взял за основу своей работы государственный «Всероссийский центр переводов». По просьбе Центра я составил более краткий документ с практическими рекомендациями [Ермолович 2009]. Таковы если и не нормативные инструкции, то, по крайней мере, те рекомендации, которые получили общественную поддержку.

² <http://www.russian-translators.ru>

Как передавать наименования компаний?

Какие приёмы Вы бы рекомендовали при передаче наименований компаний с русского на английский? Например, как лучше передать наименование *ОАО «Ресторанная компания»*? Заказчик требует писать: *OAO Restaurant Company*. Так правильно?

Лариса (Москва)

Передача названий компаний - сложный вопрос, и рекомендации здесь не могут быть однозначными для всех случаев. Но вот основные правила, от которых можно отталкиваться:

1) Если название отражает реальную деятельность компании и привязано к топониму (названию города или региона, где эта компания действует), лучше использовать кальку. Так, переводим *Рязанский нефтеперерабатывающий комбинат* - Ryazan Oil Refinery, потому что это действительно комбинат, который занимается переработкой нефти и находится в Рязани. *Московский шарикоподшипниковый завод* - это Moscow Ballbearing Plant, по аналогичной причине. Поэтому и *ОАО Сибирская нефтяная компания* - это OAO Siberian Oil Company, а не *Sibirskaya Neftyanaya Kompaniya OAO. На англоязычных страницах самой компании приводится именно калькированный вариант.

Кстати, это очень важно: что бы ни рекомендовали справочники, компания имеет право назвать себя по-английски так, как она сама этого хочет. Англоязычный вариант названия разрешено фиксировать в уставных документах, которые после регистрации приобретают юридическую силу. Поэтому при передаче названия компании первым делом следует выяснить, есть ли у него официально утверждённый англоязычный вариант.

2) Если название компании имеет не описательный, а экспрессивнообразный характер или не мотивировано, тогда применяется практическая транскрипция (транслитерация), например:

группа «Детский мир» - Detsky Mir Group,

фабрика «Большевичка» - Bolshevichka Factory,

ракетно-космическая корпорация «Энергия» - Energia Rocket and Space Corporation.

Сравните: *Московский шарикоподшипниковый завод* - это Moscow Ballbearing Plant; но *Московский завод «Шарикоподшипник»* - Moscow Sharikopodshipnik Plant.

Категориальные слова (*корпорация, компания, группа, научно-производственное объединение* и т.п.) калькируются, а не транслитерируются. В названии не должно быть слов *kompaniya, obyedineniye* и т.п.

3) Названия, состоящие из аббревиатур и сложносокращённых слов, транслитерируются, например: *ОАО Сибнефть-Ноябрьскнефтегаз-геофизика* - OAO Sibneft-Noyabrskneftegazgeofizika, *АО НК Лукойл* - AO NK Lukoil.

На конкретный вопрос, как переводить *ОАО «Ресторанная компания»*, предлагаю следующий алгоритм:

а) Проверить, есть ли в уставе этой компании англоязычный вариант названия. Вы написали, что заказчик требует писать *OAO Restaurant Company*. Можно согласиться с рекомендацией заказчика, особенно если этот заказчик - сама «Ресторанная компания». Кроме того, этот вариант согласуется с правилом №1.

б) Но если компания не закрепила юридически англоязычного варианта для своего наименования и при этом занимается не исключительно управлением ресторанами, а и другим бизнесом (например, туризмом), то тогда название частично утратило мотивацию. В этом случае лучше транслитерировать: ОАО Restorannaya Company.

Что правильно: ООО Romashka или Romashka LLC?

У меня возникают трудности при переводе свидетельства о государственной регистрации юридического лица, где даются одновременно полное и краткое наименование юридического лица с указанием организационно-правовой формы: *Общество с ограниченной ответственностью «Ромашка»* и ООО «Ромашка».

Следуя Вашим указаниям, первое перевожу так: Romashka Limited Liability Company, а второе как ООО Romashka. Получается разночтение в переводе, ведь ООО ничем не напоминает LLC. И нужно ли давать в скобках перевод с эквивалентной аббревиатурой (Romashka Ltd. / Romashka LLC)? Я обычно так и делаю, но правильно ли это?

Роза (Казань)

Вы пишете, что между Romashka Limited Liability Company и ООО Romashka получается разночтение. Это не совсем так. Ведь второе - не сокращение от первого. То и другое - это соответственно переводы русских полного и сокращённого вариантов. Но сами эти переводы не обязаны составлять пару «полное название - его сокращение». Точно так же на английском NATO есть сокращение от North Atlantic Treaty Organization, но русское НАТО никак не является аббревиатурой от *Североатлантический альянс*. Это нормально, так что в дополнительных вариантах типа Romashka Ltd. или Romashka LLC нет необходимости.

Нужны ли заглавные буквы в названии из нескольких слов?

Названия многих ресторанов, кафе, гостиниц, клубов и т.д. состоят из двух или нескольких слов (например, отель Tribeca Grand, кафе Jump Java). Нужно ли сохранять заглавные буквы, транскрибируя такое название в переводе? И если название переводится (например, кафе World of Waffles), тогда с заглавной буквы будет только первое слово?

Наталья (Москва)

Если название транскрибируется, то прописную букву в тех словах, где она есть, нужно сохранять. Здесь принцип такой же, как и при передаче названий компаний.

Название компании - её отличительный уникальный знак, и если он передаётся не калькированием, а по принципу формального подобия (т.е. практической транскрипции, включающей элементы транслитерации), то и прописные буквы должны быть признаны частью его уникальной формы. Стало быть, их нужно ставить там же, где они стоят в оригинале (например, River View restaurant - *ресторан «Ривер Вью»*).

А вот в кальках прописная буква для нарицательных слов не нужна (World of Waffles - *«Мир вафель»*). Напомню, что к калькированию прибегают тогда, когда важна не внешняя, а внутренняя форма (понятийная или образная основа): в частности, в художественном переводе, а также при передаче наименований не фирм, а учреждений и организаций (например, International Development Agency - *Агентство международного развития*).

В советских руководствах по стилистике встречается предписание о переделке прописных букв в строчные при передаче названий иностранных компаний (аналогично тому, как именовались предприятия в СССР). В наши дни это требование изжило себя, тем более что появились и отечественные предприятия, в названиях которых не только первое слово пишется с

заглавной буквы, например: «*Крокус Экспо*» (торгово-выставочный центр), «*Второй Меховой*» (магазин), «*Манхэттен Гриль*» (ресторан).

Как передавать имя патриарха?

В Вашей книге [Ермолович 2001] Вы пишете: «имена монархов и религиозных деятелей передаются, как правило, по методу транспозиции. Другими словами, король James должен по-русски именоваться *не Джеймсом*, а *Иаковом*, король John Lackland - *не Джоном*, а *Иоанном Безземельным*... Похожая проблема возникает и при передаче на английский имён русских святых и деятелей церкви... Мы рекомендуем и здесь... использовать варианты имён, восходящие к именам-прототипам (библейским, латинским или греческим). Исходя из этого, патриарх *Алексий* по-английски - Alexius, Се. *Сергий Радонежский* - St. Sergius of Radonezh и т.д.»

Первый вопрос. Вы уверены, что именно *Иаков*, а не *Яков*? В БСЭ, например, и в других справочниках - *Яков I*. Соответственно, King James Version - обычно *Библия короля Якова*, а не *Иакова*, как у Вас.

Второе. Поскольку в силу очевидных исторических причин греческий язык гораздо ближе православной церкви, чем латынь, не кажется ли Вам, что и окончания нужно брать не латинские, а греческие - Alexios, Sergios?

Третье. Как бы Вы рекомендовали передавать имя нынешнего патриарха - Kirillos, Cyril или всё-таки Kirill (если забыть на секунду, что Kirill уже закрепилось?)

Владимир (Москва)

Отвечаю на первый вопрос: существует два написания английского монархического имени James - *Иаков* и *Яков*. В словаре персоналий [Ермолович 2000; 2012] я привожу оба варианта.

В дореволюционных источниках (например, словаре Брокгауза и Ефрона) в статьях об исторических и библейских персонажах это имя пишется с «*i* десятиричного» - *Иаков*. В результате реформы орфографии буква *i* была заменена на *и*, что даёт *Иаков*.

Да, в БСЭ *Яков*. Но и в советской, и в постсоветской литературе часто используется вариант *Иаков*. Например, в каноническом русском переводе Р. Гальпериной романа С. Цвейга «Мария Стюарт» (который вышел в издательстве «Правда» в 1963 году и переиздается до сих пор) тот самый монарх, чьим именем названа King James Bible, именуется Иаков I. В «Википедии» даётся: *Яков (Иаков)*, в родственном проекте «Викизнание» - *Иаков*.

В своём словаре религиозной лексики [Ермолович 2004] я оставил только вариант *Иаков*. Мне кажется логичным, что если мы называем английских королей по имени John *Иоаннами*, а не *Иванами* или *Янами*, то тогда и James - скорее *Иаков*, чем *Яков*. (*Я* уже не говорю о том, что в библейском контексте может быть только *Иаков*.)

А так - дело вкуса. И за тем, и за другим вариантом стоит достаточно мощная традиция. Всё же вариант *Иаков* представляется более обоснованным и последовательным.

Во втором вопросе высказана интересная мысль. Да, греческий язык ближе православной церкви. Но мы ведём речь о написании имён по-английски, а в английский язык греческие имена входили в основном через посредство латыни. Поэтому в практике перевода закрепилась транспозиция на основе латинских вариантов.

Приведу в пример весьма авторитетное издание советского времени, когда все сочинения и переводы проходили тщательную, глубоко эшелонированную редактуру, вычищавшую ошибки и погрешности [DBN 1989]. Хотя это был перевод политиздатовского «Атеистического словаря», стиль и содержание этой книги получили высокую оценку за рубежом (я слышал её из уст

сотрудника Всемирного совета церквей). Так вот, в этом словаре мы находим следующие соответствия для имён русских религиозных деятелей: **Фотий** (он же **Филипп**, основатель так наз. Филипповского согласия, XVIII век) - Photius, **Феодосий Косой** (еретик XVI века) - Theodosius Kosoi (the Squint-Eyed), **Сергий** (патриарх, 1867-1944) - Sergius и т.д.

Во многом опираясь на авторитет этого издания, я составлял и свой словарь. Тот же принцип использован в другом словаре религиозной лексики [Азаров 2002] (хотя не могу не отметить, что имя **Алексий** там в ряде случаев ошибочно передано как Alexis, чему соответствует не **Алексий**, а **Алекси́д**).

Объективности ради должен сказать, что есть англоязычные издания, в которых имена русских церковных деятелей переданы не по принципу транспозиции, а практической транскрипцией (**Сергий** - Sergy, **Алексий** - Alexy, **Фотий** - Foty).

Я рекомендую всё-таки вариант с добавлением латинского окончания. Церковь - один из самых консервативных институтов, где особое значение придаётся традиции. Духовные лица получают имена святых, своих небесных покровителей. Могут ли по-разному именоваться **Феодосий Великий**, греческий монах V века, **Феодосий Печерский**, настоятель Киево-Печерской Лавры XI века, и современный архиерей по имени **Феодосий**? По-моему, нет.

Исходя из сказанного, отвечу на третий вопрос: вспомним, что до патриарха Кирилла были святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, целая плеяда патриархов константинопольских по имени **Кирилл**, преподобный **Кирилл** Белозерский (основатель Кирилло-Белозерского монастыря, XIV век). Все они по-английски именуется **Cyril**. По-моему, именовать нашего патриарха иным образом на английском языке значит разрушить единство этого имени, а тем самым и целостность церковной традиции.

Вот какую информацию опубликовало агентство ИТАР-ТАСС в день тезоименитства патриарха Кирилла:

The President congratulated Patriarch of Moscow and all Russia *Kirill* on his name day on Sunday. The patriarch celebrates his name day alongside commemoration of St. *Cyril* and Methodius, Byzantine Greek brothers born in Thessaloniki in the 9th century.

Не правда ли, данное сообщение производит странное впечатление? Именины патриарха как бы сами по себе, а «наряду» с ними вспоминают византийских братьев. Транспозиция же позволяет избежать разнобоя имён:

Patriarch Сyp'/'s name day commemorates Sts. *Cyril* and Methodius, the Byzantine brothers and missionaries who christianized the Slavs.

Как переводить Приобье, Забайкалье, Приполярье?

Являются ли топонимами такие названия, как *Среднее Приобье*, *Забайкалье*, *Приполярье* и т.д.? Какие приёмы перевода применяются для их передачи на английский язык?

Ольга (Тюмень)

Да, названия с окончанием **-ье** и префиксами **при-**, **за-**, **пред-**, **под-**— законные топонимы, т.к. каждое из них обозначает некую территорию. Как их переводить - во многом зависит от префикса.

Названия с приставкой **за-** часто переводятся с помощью префикса **trans-** и окончания **-ia**,

например: *Закавказье* - Transcaucasia, *Забайкалье* - Transbaikalia, *Закарпатье* - Trans-Carpathia, *Зауралье* - Trans-Uralia (слитное написание приставки в первых двух примерах сложилось исторически, обычно после *trans-* нужен дефис). Не всегда, правда, в эту модель получается вписать окончание, и тогда даётся описательный перевод: *Заволжье* - the Trans-Volga area.

Осторожнее с *Задоньем* - это не ‘территория за Доном’, как можно подумать, а вариант названия Задонского района Липецкой области, то есть Zadonsky District, или, если угодно, Zadonye. Также и *Замоскворечье* - Zamoskvorechye (District).

Заполярьем обозначаются территории за Северным полярным кругом. Тут годится лишь описательный перевод: areas beyond the Arctic Circle. Впрочем, пусть это никого не смущает: подобные соответствия встречаются и в англо-русском переводе. Например, популярное в англоязычной географии выражение Sub-Saharan Africa переводится как *страны Африки к югу от Сахары*.

От Заполярья перейдём к *Приполярью*. Когда этот термин означает ‘территории, близкие к Северному полярному кругу’, переводим the Arctic Circle areas. Если имеется в виду ‘приполярная территория’, тогда это the polar area или (более научный термин) the circumpolar area. А если - ‘территория, ограниченная Северным полярным кругом’, то это the Arctic.

Среди прочих названий с приставкой *при-* отметим *Приднестровье*, переводимое как Transdnestrria (читается [traenz'ni:stria]). В остальных случаях названия с префиксами *при-, по-, под-* переводятся по модели “the + *исходный топоним* + area/region/zone”, например: *Причерноморье* - the Black Sea region, *Подмосковье* - the Moscow area, *Поволжье* - the Volga region. Если речь идёт о территории, прилегающей к реке, мало известной читателю, можно добавить слово river: *Приамурье* - the Amur River area / region, *Приобье* - the Ob River area. Если имеется в виду бассейн реки, то вместо *area/region* пишем basin: the Ob River basin.

Термины *Верхнее, Среднее, Нижнее* {*Поволжье, Приамурье, Приобье* и т.д.) переводятся по модели (соответственно) the Upper / Middle / Lower + *river name* + region / area. Для *Среднего* есть вариант: Mid-, например the Mid-Volga region.

Названия местностей, образованные от других топонимов, следует отличать от названий, образованных от нарицательных слов. Последние обычно передаются практической транскрипцией или имеют исторически сложившиеся эквиваленты, например *Полесье* - Polesia, *Поморье* - Pomorye, *Залесье* - Zalesye, *Приморье* - Primorye (населённый пункт, а если имеется в виду Приморский край, то это - Maritime Territory, или Primorsky Krai).

О топонимах с префиксом *пред-*. Чаще других встречается *Предуралье* (территория, прилегающая к западному склону Урала и охватывающая Пермский край, Башкортостан, Удмуртию и Оренбургскую область). Это название приходится переводить описательно с использованием слова piedmont ['pi:dmant]: the western piedmont of the Ural Mountains, the piedmont of the western Urals. Это слово, французское по происхождению, значит ‘подножие горы’, ‘предгорье’. В английском языке оно применяется (в написании с прописной буквы) по отношению к региону Пьемонте в Италии, предгорьям Аппалачских гор в США и вообще к любой

территории, прилегающей к горному массиву или хребту.

Как писать названия моделей автомобилей?

Я перевожу художественный текст, в котором часто встречаются названия автомобилей. Как они должны писаться в русском переводе - с большой буквы? Нужны ли кавычки? Допустим, Honda Civic в переводе будет *Хонда Цивик*? В Интернете даже на официальных сайтах разнбой, а в книгах я примеров не нашла.

Наталья (Москва)

За примером обратимся к классике - вспомним слова Остапа Бендера из «Золотого телёнка» И. Ильфа и Е. Петрова:

Машина, как военный корабль, должна иметь собственное имя. Ваш «**лорендитрих**» отличается замечательной скоростью и благородной красотой линий. Посему предлагаю присвоить машине название - «**Антилопа-Гну**».

В этом пассаже «Антилопа-Гну» пишется с прописных букв, потому что это имя собственное, присвоенное Великим Комбинатором отдельному автомобилю. А вот название автомобиля по его товарному знаку- «лорендитрих» - даётся со строчной буквы. В обоих случаях используются кавычки.

Так, собственно, и было принято в ту эпоху, когда все публикации подвергались тщательной правке редакторами-стилистами. Как зарубежные, так и отечественные марки автомобилей неизменно писались со строчной буквы и в кавычках: «*москвич*», «*победа*», «*волга*», «*жигули*», «*вольво*», «*мерседес*».

Несмотря на сегодняшнюю вольницу в обращении с русской орфографией, я пока не вижу оснований для отказа от прежних норм и рекомендую передавать Honda Civic как «*хонда сивик*».

Попутно об орфографии названий некоторых азиатских автомобилей: Suzuki - правильно «*судзуки*» (не «*сузуки*»), Toyota - «*тоёта*» (а не «*тойота*»), Mitsubishi - «*мицубиси*» (а не «*мицубиши*»), Hyundai - «*хёндэ*» (а не «*хьундай*»).

Почему «тоёта»?

Встретил Вашу рекомендацию писать марку автомобиля не как «Тойота» (как пишу я сам в тех нечастых случаях, когда пользуюсь для этого кириллицей), а как «тоёта». Чем обусловлена такая рекомендация?

Максим (Москва)

В названии автомобиля «тоёта» соответствие *yo = ё* вытекает из системы транскрипции японских имён и названий, разработанной ещё во времена СССР японистом Е.Д. Поливановым и принятой как стандарт не только в нашей стране, но и в Японии.

Система Поливанова предназначена для того, чтобы переводить с японского. Но название этого автомобиля, как и многих других, сегодня переводится на русский уже не с японского, а с английского! Вокруг нас ездят автомобили, не иероглифически поименованные, а имеющие понятные всем марки: Suzuki, Nissan, Honda. Следовательно, к ним сегодня применяется уже не транскрипция с японского, а транслитерация с английского.

Максим (Москва)

Должен отметить неточность в этих рассуждениях. Из них вытекает, что Toyota, Suzuki, Nissan, Honda - это якобы написания на английском языке. Ничего подобного: это написания японских названий по системе романизации Хепберна, или ShUsei Hebon-shiki Romaji (ромадзи), - общепринятым в мире правилам передачи японских слогов на всех языках, пользующихся латинским алфавитом.

Если угодно, это просто альтернативная графика для японских имён. От этого они не перестают быть японскими именами, точно так же, как Lada в латинской передаче не перестаёт быть русским словом (которое должно передаваться на языки, пользующиеся иной графикой, по правилам транскрипции с русского, а не с английского языка).

Система Хепберна хороша тем, что строго, по принципу взаимно однозначного соответствия, представляет слоговой состав японского языка. Тем же свойством обладает и система Поливанова. Поэтому между этими системами тоже можно установить взаимно однозначное соответствие. И это позволяет переводчикам при передаче японских имён, встретившихся им в английском (французском, немецком и т.д.) тексте, не изучать исходные иероглифы, а прибегнуть к таблице соответствий между этими двумя системами. (Эта таблица приведена и в моей книге [Ермолович 2005]).

Я с сожалением отмечаю, что плохо подготовленные журналисты, переводчики и другие пишущие люди занимаются самодеятельностью, пытаясь применить правила транскрипции с английского языка к японским именам, написанным на ромадзи. Ещё огорчительнее, когда некоторые лингвисты оправдывают такие попытки. Это способно привести ситуацию к ещё большему хаосу. Давайте вспомним, что велосипед уже изобретён!

Как передавать кириллицу в регистрационном номере?

Как правильно передать с русского языка на английский регистрационный номер Свидетельства о государственной регистрации предприятия? Номер такой: 123456-АГ. Передавать ли русские буквы АГ латинскими AG или оставить в тексте перевода номер без изменений, то есть Registration No. 123456-АГ?

Лариса (Москва)

При переводе документов, содержащих русские сокращения в номерах, названиях моделей и т.п., русские буквы обычно транслитерируют (например, ПЯ- РУа, ЦС - TsS, ЮЯ- YuYa). Хотя мне встречались и документы, в которых такие аббревиатуры оставляли по-русски. Но я думаю, что для практических целей лучше всё-таки транслитерировать. Ведь иностранным заказчикам, возможно, придётся включить эту аббревиатуру в свои письма, контракты и другие документы, а если у них нет русской клавиатуры или они вообще не владеют русским языком, эти буквы будут для них как китайская грамота.

Точки над ё

В Ваших текстах встречаю редкую букву ё. На сегодня принято употребление буквы ё в книгах для детей, в учебниках, в тех случаях, когда возможно неправильное прочтение слова, в именах собственных. В остальных случаях употребление ё факультативно. А Вы почему её употребляете?

(Сергей, Днепрпетровск)

Я являюсь сторонником последовательного использования буквы ё. Согласно действующим «Правилам русской орфографии и пунктуации», «по желанию автора или редактора любая книга может быть напечатана последовательно с буквой ё».

При выборочной простановке буквы ё слишком часто возникает возможность неправильного прочтения слов. Постоянно происходит путаница с местоимениями *все* и *всё*, глагольными формами *признаемся* и *признаёмся*, *посажженный* и *посажсённый*, *совершенный* и

совершенный.

Легко, конечно, сказать, что букву *ѐ* следует писать в тех случаях, когда возможно неправильное прочтение слова. А придёт ли, например, в голову автору фразы «Доберемся до реки, там и **передохнем**», что при отсутствии двух точек над *ѐ* эту фразу можно прочитать с ударением на о в последнем слове?

Смысл фразы «Девушка наложила на лицо так много грима, что родная мать не **узнает** ее при встрече» кардинально меняется в зависимости от того, имел ли автор в виду форму **узнает** (тогда встреча с матерью - лишь образное допущение) или форму **узнаёт** (в этом случае встреча реально имеет место). Может ли читатель быть уверен, что автор не использовал букву *ѐ* сознательно, имея в виду первый вариант прочтения? Или он просто не учёл возможную двусмысленность, а имел в виду второй вариант?

В России если что-то факультативно, то есть необязательно, то в реальной практике никогда не делается даже в нужных случаях. Казалось бы, правила требуют простановки двух точек над *ѐ* в именах собственных. Но многие ли знают по написанию в книгах, что в «Анне Карениной» Льва Толстого действует герой по фамилии **Лёвин**, а не **Левин**?

Одному моему знакомому из Риги нужно было попасть в Москве на **Савёловский** вокзал. В метро он стал спрашивать у москвичей, как проехать на станцию «**СавЕловская**». Несколько человек его просто не поняли. «Естественно, - сказал я ему, - ты же неправильно произносил название». «Почему неправильно? - резонно ответил приятель. - Ведь двух точек над *ѐ* на схеме метро не было! Откуда же мне, не москвичу, было знать, что на самом деле это название читается иначе?». (Правда, на нынешних схемах метро две точки над *ѐ*, кажется, поставили.)

Если написать **летняя куртка**, не поставив двух точек в слове **лётная**, глаз обязательно «зацепится» за это написание, так как может не сразу отличить его от сочетания **летняя куртка**.

Нерегулярность простановки буквы *ѐ* приводит и к тому, что иногда звук, ею обозначаемый, возникает там, где его не должно быть! Так, весьма распространилось неверное произношение слов **афера**, **опека**, **гренадер** (как если бы в этих словах писалась *ѐ*). Неправильно произносят фамилию знаменитого шахматиста **АлЕхин** как «Алѐхин».

Ни одного здравого довода в пользу изгнания буквы *ѐ* из русского правописания я не встречал. Утверждают, например, что простановка двух точек над *ѐ* нарушает непрерывность письма. Но, во-первых, непрерывность письма нарушают и многие другие буквы, например **й**, **к**, **х**, **э** или заглавные **А**, **Б**, **Ф** и так далее. А во-вторых, какая непрерывность письма имеет значение в XXI веке, когда уже почти любой текст, включая частную переписку, вводится с клавиатуры компьютера или мобильного телефона?

Ну и, наконец, буква *ѐ* была внедрена в русское письмо на совершенно чётком научном основании: русская орфография построена по фонетическому принципу, а в такой системе разные звуки должны отображаться разными буквами.

В своих публикациях я стараюсь последовательно использовать букву *ѐ* (увы, не все издательства готовы поддержать этот принцип, ссылаясь на технические причины). Без буквы *ѐ*,

на мой взгляд, русский текст многое теряет. Вот почему я горой за неё!

«Офлайн» и «кликнуть» - это русские слова?

Являются ли *офлайн*, *кликнуть* и тому подобные слова принятыми русскими словами?

Правильно ли переводить *offline* и *click* таким вот образом - как это переводят практически везде в Интернете?

Даниил (США)

Это очень актуальный вопрос. В информационных технологиях стали активно употребляться русские транскрипты английских слов вроде упомянутых; могу добавить ещё для примера такие словечки, как *засейвить* (*save*), *отрендерить* (*render*), *залогиниться* (*log in*), *болдИ* (*bold letters*), *коннектить* (*connect*), *фича* (*feature*).

Такие слова являются компьютерным сленгом. Наряду с каждым из них есть «правильное» терминологическое соответствие. Судьба каждого такого словечка непредсказуема: одни так и остаются жаргонизмами (*баг*, *фикс*, *тулзы*, *превьюить*), другие повышают свой статус до разговорных (например, *апгрейд*, *слот*, *файервол*, *флэшка*) или даже проникают в «официальную» терминологию, как это случилось с самим словом *компьютер*, вытеснившим термин *ЭВМ*, или словами *плагин*, *браузер*, *мультимедиа*.

Всё же в большинстве случаев серьёзные переводчики (а также солидные компании, издательства, технические журналы) стремятся использовать корректную терминологию, по возможности с русскими корнями. Например, Microsoft в своих локализованных справках и программах избегает жаргонизмов. Если говорить конкретно о словах, которые Вы назвали, то лучше не «кликать» мышкой, а *нажать* клавишу мышки, а вместо «офлайновый» предпочтительнее писать *автономный* или *совершаемый в автономном режиме*.

Парадоксально, но слово *онлайновый*, кажется, приобретает права гражданства в русском языке: уже корректно говорить об онлайн-словарях, онлайн-консультациях и так далее. Видимо, дело в том, что прежний эквивалент слова *online* - *совершаемый в подключённом режиме* - слишком громоздок и неудобен во многих сочетаниях.

Общий принцип, как я считаю, таков: со сленговыми варваризмами в письменном переводе нужно бороться, если есть хороший и удобный в употреблении «старый» и более «русский» термин. (Лично я никогда не употребляю выражение *кликать мышью*.) Но нужно и следить за словоупотреблением профессионалов. Если солидные (подчёркиваю, солидные!) источники тоже начинают употреблять слова, перенесённые из английского, - ну что ж, значит, профессиональный язык изменился, и нам, переводчикам, остаётся только идти в ногу со временем.

Мы встретились в «Макдоналдс»?

Как обращаться с именами собственными, имеющими в своём названии притяжательный падеж английского языка ('s). Например: мы встретились в «Макдоналдс»; выставить лот к продаже на «Сотбис». Нужно ли обозначать апостроф? Например: «Весело и вкусно в „Макдоналд'с"»?

Кирилл [Минск]

Начнём с общих правил использования апострофа. В русском языке этот знак традиционно используется в двух случаях:

- а) в иностранных именах собственных после начальных элементов, восходящих к

предлогам (*д'Артаньян, О'Хара, Кортиня д'Амнеццо*)\

б) для отделения русских окончаний от слова, воспроизводимого на латинице, чтобы его можно было склонять (например, *реклама Panasonic 'a u Nemiroff'a*). Такой способ включения иностранных названий в русскую речь я называю гибридным методом заимствования, когда имя или название сохраняется в оригинальном написании, но его адаптация к синтаксису русского языка требует добавления словоизменительного форманта.

Что касается апострофа перед конечным *s* в названиях, восходящих к английскому притяжательному падежу, то в серьёзных источниках он всегда опускался. Возьмём, например, лингвострановедческий словарь «Великобритания» [Рум и др. 1978]: в нём апострофы притяжательного падежа в русских соответствиях отсутствуют, например: Christ's Hospital - *Крайстс-Хоспитал*, Smith's - *Смите* (название сети книжных магазинов), Christie's - *Кристиз*. Интересующий нас аукционный дом Sotheby's имеет там, правда, следующее соответствие: *Садебиз*. Это, в общем-то, правильно, но, увы, уже пришло в противоречие с более или менее устоявшимся *Сотбис*. В любом случае апостроф не нужен. Кстати, и компания McDonald's на российском рынке приняла для себя логотип без апострофа: «*Макдоналдс*».

Что касается склонения этих названий, то природе русского языка противоречит несклоняемость слов, встраиваемых в падежные конструкции (что нам активно почему-то навязывает реклама, вроде фразочек: *пейте «кока-кола», гарантировано «пантин»*). Фирменные названия, оканчивающиеся на *-с* или *-з*, приобретают грамматическое значение мужского рода и в косвенных падежах должны иметь формы склонения. Поэтому абсолютно правильно говорить и писать: *посидели в «Макдоналдсе», вышла из «Мейсиза», приобрели на «Сотбисе»*.

Другое дело, что вообще падежное склонение названий организаций и компаний больше характерно для разговорного стиля (*работаю в ТАССе, контракты «Газпрома», разработано «Шеллом»*). В официальном стиле избегают этого, чтобы не создавалось впечатления, будто название искажается. Для этого нужно всего лишь добавлять в косвенных падежах (кроме винительного) родовое слово, то есть *компания, фирма, предприятие* и т.д. Например: «к продаже на аукционе „Сотбис“ выставлен новый лот», «открытие сетью „Макдоналдс“ ещё двух ресторанов». При наличии родового слова имя собственное, заключённое в кавычки, не склоняется, а используется в именительном падеже.

«Дом, милый дом»!

Очень часто в англоязычных фильмах мы слышим фразу "Home, sweet home". К счастью, миновали те времена, когда в самодеятельных переводах видеофильмов звучало: «Дом, сладкий дом!» Но и вариант «Дом, милый дом!» немногим лучше «сладкого». Разве мы, вернувшись домой из поездки, так говорим? Скорее скажем: «В гостях хорошо, а дома лучше!», «Здравствуй, дом родной!», «Как хорошо вернуться домой!» или даже просто «Наконец я дома!». Как Вы думаете, не уместнее было бы использовать подобные привычные фразы при переводе, или «дом, милый дом!» уже вошёл в русский язык устойчивым сочетанием?

Ольга (Московская область)

Согласен в том, что выражение «дом, милый дом!» в устах русскоговорящего человека звучит неестественно. К тем привычным фразам, которые Вы перечислили, я бы добавил ещё «Вот

мы и дома!».

Однако, если говорить о переводах (и, в частности, переводах фильмов и телесериалов, где эта фраза звучит особенно часто), нужно учитывать вот какой фактор. “Home, Sweet Home” - это название песни на стихи Джона Хауарда Пейна (John Howard Payne), звучащей в его опере “Clari”, которая была написана в 1823 году. Привожу здесь её первый куплет:

’Mid pleasures and palaces though we may roam,
Be it ever so humble, there’s no place like home;
A charm from the sky seems to hallow us there,
Which, seek through the world, is ne’er met with elsewhere.
Home, **home, sweet, sweet home!**
There’s no place like home, oh, there’s no place like home!

Как видим, из песни Дж. Пейна в английский язык вошло не только выражение “home, sweet home”, но и фраза “there’s no place like home”, которая стала пословицей.

По утверждению ряда источников, песня “Home, sweet home” до сих пор является одной из самых популярных и любимых в Америке. Так что, когда говорится эта фраза, её в некоторых случаях можно рассматривать как цитату.

Поэтому на вопрос я отвечу так: нет, я не считаю, что «дом, милый дом» уже вошло в русский язык. Если контекст не наводит на мысль о том, что герой цитирует песню, то лучше использовать в переводе выражения, привычные для русского уха. Если всё же эти слова воспринимаются как цитата (допустим, герой их напевает), тогда можно и оставить «дом, милый дом» - в надежде, что читатель или зритель поймёт, что это «у них» такая любимая присказка из стишка или песенки.

Можно ли их называть «латинос»?

Мне приходится редактировать книгу, в которой при описании результатов голосования на выборах различных расовых и этнических групп используется слово *латинос*. На моё предложение писать *латиноамериканцы* автор отвечает, что в Штатах латиноамериканцами называют жителей Мексики и других стран, а испаноязычных жителей США именуют именно *латинос*. Насколько это возможно и допустимо?

Наталья (Москва)

Вы подняли интересный и сложный вопрос. Налицо лексическая лакуна со значением ‘гражданин США латиноамериканского происхождения’. По-русски можно было бы использовать такое словосочетание один-два раза на протяжении текста, но для многократного употребления оно не подходит. Слово *испаноязычные* тоже не вполне подходит, потому что среди Latinos есть и те, для кого основным языком общения является английский. Поэтому приходится согласиться с Вашим автором в том, что наиболее приемлемый вариант - ввести в русский текст транслитерацию *латинос*.

Здесь, может быть, уместно провести параллель с тем, как в русской журналистике (ещё в советские годы) передавали понятие *chicanos* (американец мексиканского происхождения), - **чиканос**. Даже строгая и политкорректная советская редакция считала этот вариант вполне допустимым.

Надо ещё отметить, что в русской речи употребляется пренебрежительное словечко-сленгизм *латинос*. Чтобы избежать ассоциации с ним, в переводе имеет, пожалуй, смысл хотя бы при первом употреблении обозначить ударение - *латинос*. Кроме того, я бы везде ставил это слово в кавычки.

Согласовывать ли в падеже перевод в скобках?

По требованию заказчика я должен сохранять в переводе английские термины, а в скобках приводить перевод. Возникает вопрос, следует ли согласовывать с предложением по падежам текст в скобках. Например, как здесь:

«В результате промежутки между эхо-сигналами увеличиваются, вследствие чего повышается контраст изображений при использовании тех же значений частоты, FOV (**поле зрения**) и полосы пропускания».

Как правильно: «(поле зрения)» или «(поля зрения)»?

Олег (Киев)

Я бы предпочёл перевод в согласованном падеже - так получателю легче прочитать и понять текст. Думаю, что такой подход подкрепляет и аналогия с грамматическим согласованием, которое применяется в научно-популярных текстах при разъяснении в скобках малоизвестного термина, например:

Он управлял Иудеей, подчиняясь непосредственно римскому императору Клавдию, и носил титул тетрарха (четверовластника) Галилеи.

(Из книги Е. Уайт «История спасения»)

Как переводить с «олбанского»?

Передо мной встала проблема: каким образом передавать на английский язык словечки из так называемого «олбанского»? Например, *энторнет* (Интернет)?

Елена (Владивосток)

«Олбанский язык» - это разновидность сленга, поэтому к нему применимы общие правила передачи сленга. Необходимо создать, по возможности, текст аналогичного стилистического регистра. Рекомендуются при этом использовать приём компенсации (компенсация означает, что не всякое сленговое слово может быть переведено таким же сленгизмом, но эта потеря может компенсироваться в другом отрезке предложения или текста).

Конечно, русский «олбанский язык» специфичен. Он заключается преимущественно в нарочитом искажении нормативной орфографии русских слов (*превед, красавчег, афтар жжжот*). Если искать аналоги в английском языке, то там существует несколько разновидностей сетевого жаргона (*web speak*). Есть, во-первых, компьютерно-сетевой и хакерский сленг, который, впрочем, не является подобием «олбанского языка», а относится преимущественно к специфическим понятиям из области программирования и работы с компьютером.

Большинство других видов сетевого сленга связаны с заменой букв на цифры и использованием сокращений. Некоторые из последних, между прочим, удачно «ложатся» на фразочки из олбанского «языка»: например, *ржунимагу* почти точно передаётся аббревиатурой LMAO (“laughing my ass off”).

Однако и в английском встречаются такие примеры намеренного отступления от норм грамматики и правописания, которые очень напоминают «олбанский язык». Например, на так

называемом LOLspeak вместо “Can I have a cheeseburger?” напишут: “I can haz cheezburger?”.

Используются ещё blurds — искажённые и неправильно написанные слова, например: Г m shpeshial (сравни на олбанском: «А я такой асобинный, я нитаккой каг фсе»).

Ну, а что касается упомянутого Вами *энторнета*, то прямого соответствия для этого слова в английском, кажется, нет, но иногда в сети можно встретить сочетание “da internet”, имитирующее произношение артикля the некоторыми афро-американцами и выходцами из Карибского региона. Так, если надо перевести фразочку: «Шо за энторнет- сленг тут фсе упатрибляют?», можно предложить вариант: “Whats all da internet slang every 1 uses here?”.

Всё это никоим образом не подразумевает моего сколько-нибудь одобрительного отношения к использованию «олбанского языка». Напротив, он мне категорически не нравится, а вышенаписанное относится к тем случаям, когда в силу каких-либо профессиональных задач (например, при переводе рассказа о жизни и сетевом общении подростков) переводчику необходимо создать адекватную речевую характеристику персонажей.

Как быть с woman-doctor?

Мой вопрос - о правомерности задания, предложенного школьникам на олимпиаде по английскому языку: поставить сложное слово woman-doctor во множественное число.

В современном корпусе английского языка слова woman-doctor не оказалось вообще! Скажите, пожалуйста, встречалось ли Вам такое понятие, как woman-doctor, учитывая, что в современном английском языке женщин уже называют астор, а не actress? И уместно ли такое задание на олимпиаде? Если да, то как бы Вы решили предложенную грамматическую задачку?

Елена (Москва)

Выражение woman doctor (я предпочитаю писать его без дефиса - так, как принято в США) мне встречалось, и оно правомерно. Здесь надо разделить два аспекта вопроса: грамматический и аспект политкорректности.

Сначала о грамматике. Сочетания с атрибутивным словом woman во множественном числе изменяются в обеих частях: woman doctor - women doctors, woman journalist - women journalists. Такие выражения вполне употребительны. Вы не указали, к какому именно корпусу обращались, но Корпус современного американского английского (Corpus of Contemporary American English) даёт 78 контекстов с woman doctor и women doctors, датированных 1990-2012 годами.

Теперь о политкорректности. В наши дни не приветствуются «сексистские» наименования профессий, занятий и должностей, различающиеся по форме при отнесении к лицам разного пола (anchorman - anchorwoman, steward - stewardess), как если бы это были разные профессии, в которых мужчины и женщины проявляют себя неодинаково. Вместо них употребляются так называемые гендерно-нейтральные слова (anchor, flight attendant и т.п.) Однако слово doctor, не имеющее родовых вариантов, как раз и является таким нейтральным словом.

Что же касается определений woman, female, а также male, то их добавление вполне политкорректно, так же как и просто указание на мужчину или женщину словами man и woman. Более того, слово woman особенно уместно, когда хотят подчеркнуть достижения женщин в той или иной профессии.

Так что задание на олимпиаде мне кажется корректным.

Преподавательница – это сексизм?

Меня моя преподаватель по английскому языку давно приучила рассматривать фильмы ещё и как материал для изучения языка. Кстати, я правильно здесь употребляю это слово - *преподаватель*? Ведь, наверное, нельзя сказать *преподавательница* или *учительница*, дабы избежать употребления сексизмов?

Екатерина (Милан)

Здесь культурно-языковая проблема, актуальная в странах Запада, не совсем точно спроецирована на русскую речевую практику. В русском языке нет проблемы «сексизма», связанной с использованием форм женского рода при обозначении профессий. Однако некоторые женские формы звучат более разговорно, чем мужские (например, *преподавательница, художница, лаборантка*), а некоторые - иронично, пренебрежительно, даже грубовато (*кассириша, директриса, дворничиха*). Впрочем, многие женские формы лишены явной разговорности - например, *сотрудница, учительница, поэтесса, официантка*.

В официальном и возвышенном стилях обычно употребляются мужские формы («Позвольте представить нашего нового *лаборанта* Наталью», «*поэт* Марина Цветаева», «получила квалификацию *повара*»). Но некоторые женские формы ни в каких контекстах не могут быть заменены на мужские (*актриса, ткачиха, спортсменка, уборщица*).

Ещё одна проблема заключается в том, что мужские формы названий профессий не всегда удачно согласуются с определением и сказуемым. Фразы вроде «Вошла молодая врач», «Наш директор приказала», «Финский министр нанесла визит» звучат с определённым напряжением. Многие лингвисты считают их ненормативными, но беда в том, что строго нормативное согласование - «Вошёл молодой врач», «Наш директор приказал», «Финский министр нанёс визит» - является, как говорят специалисты, асемантическим, то есть создающим неверное впечатление о субъекте описываемой ситуации, если этот субъект на самом деле женщина.

Нельзя дать однозначную рекомендацию о том, как избегать таких асемантических высказываний. В ряде случаев помогает добавление приложения - существительного женского рода, например: «вошла молодая *женщина-врач*», «известный композитор *Губайдуллина* дала интервью». В других случаях можно использовать более разговорную женскую форму названия профессии. В частности, в вашем письме, не являющемся каким-то официальным документом, я не вижу причин избегать слова *преподавательница* и тем более слова *учительница* - они никак не оскорбят этого человека.

А вот говорить и писать «моя преподаватель» я не рекомендовал бы. В этой связи вспоминается реплика студента и ловеласа Костика из телевизионной комедии «Покровские ворота» режиссёра Михаила Козакова. Провожая после интимного свидания новую пассию, молодой человек сталкивается в коридоре коммунальной квартиры с медсестрой Людочкой, которая наивно спрашивает его про прежнюю подружку: «Костик, а где Светлана?». Знакомая Костика настораживается: «Какая Светлана?». Костик отвечает: «А... *одна доцент. Я* после вам расскажу, после».

Синтаксическая напряжённость такого сочетания - «одна доцент» - подчёркивает ту неловкую ситуацию, в которой оказался Костик, и вместе с блистательной игрой актёров создаёт в этом эпизоде яркий комический эффект.

Планета зелёных облизьян

Как бы Вы перевели (пусть не на датский, а на английский) «фря ты этакая, **облизьяна зелёная**»? Во что превратятся пренебрежительная «фря» и «облезлая зелёная обезьяна»? И почему, кстати, «зелёная»? Заплесневевшая?

Сергей {Днепропетровск}

Нет необходимости заново пытаться переводить эту реплику Анны Трифионовны из романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорблённые» (часть II, глава IV). Её давно перевела Констанс Гарнетт: “What do you take yourself for, you saucy slut, you green monkey?”.

Я не считаю большой потерей, что в этом переводе нет полного аналога слову-гибриду **облизьяна**, а есть лишь перевод «обезьяны». И без того назвать человека обезьяной - большое оскорбление. Кроме того, думаю, что в XIX веке в устах нетрезвой жительницы городских низов эта **облизьяна** была вовсе не игрой слов. Скорее, это простое искажение, связанное с характерной для просторечия «народной» этимологией, - такое же, как **мухляж** вместо **муляж** или **гульвар** вместо **бульвар**. Ведь в те времена простые люди нечасто могли видеть обезьян, разве что в каком-нибудь передвижном зверинце.

То, почему «облизьяна» зелёная, объясняется просто. Существует такой вид обезьян, как зелёная маргышка (*chlorocebus sabaesus*). Её могла когда-то видеть в зверинце Анна Трифионовна, вместе с надписью на клетке. Вот и запомнила она это животное, в меру своих интеллектуальных способностей, под именем «зелёной облизьяны». А при удобном случае употребила это название как ругательство.

Учёная степень, учёное звание в официальных документах

Как следует переводить на английский язык учёную степень и учёное звание в официальных документах (например, в договоре): *профессор*, *доцент*; *кандидат*, *доктор наук* и т.д. (учитывая различия в обозначениях у нас в стране и за рубежом), а также должности работников вузов, например, *доцент*, *профессор*, *ректор*?

Елена (Екатеринбург)

Перевод российских (и советских) учёных степеней и званий - это, действительно, сложный вопрос. Как и в случае со многими другими реалиями, здесь есть три пути: транслитерация, калька и функциональный аналог.

Транслитерация курсивом (например, *Kandidat Nauk*) годится разве что для узкоспециальных текстов со страноведческим уклоном, предназначенных для экспертов по России и СССР. Для большинства случаев этот метод не годится.

Калька даёт нам такие результаты: **кандидат наук** - *Candidate of Sciences*, **доктор наук** - *Doctor of Sciences*. Честно говоря, для обычных информационных текстов мне этот метод кажется даже худшим, чем транслитерация, так как он только запутывает неискушённых в наших реалиях читателей (*candidate* воспринимается как некая промежуточная, неутверждённая степень, а *doctor* - как аналог западного доктора, что не соответствует действительности). С другой стороны, в

строгом юридическом тексте (договор, справка и др.) эти варианты могут быть уместны, так как из них однозначно выводится оригинальное название степени на русском языке.

Функциональный аналог для *кандидата* - это Doctor (Dr.) перед фамилией или Ph.D. после неё, а для нашего *доктора* аналога нет, но приемлема описательная формула Doctor of Advanced Studies. После фамилии (через запятую) возможна также формула holder of an Advanced Doctorate. Если нужно добавить, каких наук, то добавляется сочетание с предлогом in, например, Doctor of Advanced Studies in Physics (Linguistics, Economics и так далее). Если нужно поставить титул обязательно перед фамилией, то это будет тоже Dr. - ничего лучшего пока порекомендовать не могу.

Профессор приходится переводить Professor, хотя все мы знаем, что у нас профессор - это высокая должность, а «у них» так может называть себя почти любой преподаватель. Но ничего не поделаешь.

С *доцентом* легко: это всегда Associate Professor, сокращённо Assoc. Prof. (только не сокращайте до Ass. Prof., что значит Assistant Professor- ассистент, или младший преподаватель).

Ну, и про *ректора* (а заодно и *проректора*). Варианты rector и deputy rector приемлемы (словарь Random House Webster числит за словом rector значение 'the head of certain universities, colleges, and schools'), но не забывайте, что у этого слова есть сильные церковные ассоциации (так именуются определённые должности у католиков, протестантов и в англиканской церкви). Поэтому мне кажутся предпочтительными переводы chancellor и vice-chancellor либо president (of a university) и vice-president. Словом chancellor именуются главы в основном американских университетов и вузов, поэтому оно более уместно, если придерживаться американского варианта английского языка в переводе.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Учеб. пособие для студ. филол. и лингв фак. высш. учеб. заведений. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. - 352 с.

Нора Галь. Слово живое и мертвое. От «Маленького принца» до «Корабля дураков». 5-е изд., доп. М.: Международные отношения, 2001. 368 с.

Ермолович Д.И.. Словесная механика. Избранное о языке, переводе и культуре речи. Москва: Р.Валент, 2013. – 400 с.

Колесников Н.П. Стилистика и литературное редактирование. Издательство: ИКЦ "МарТ", Издательский центр "МарТ"2003. 192 с.